

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Исторический факультет

Кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии

Лыков Георгий Вадимович

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЭПОХИ МЕЗОЛИТА СЕВЕРА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Выпускная квалификационная работа

Направление подготовки – 46.03.01 «История» (уровень бакалавриата)

Научный руководитель:
к.и.н., доцент Т.А. Горбунова

Омск

2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в отечественной историографии.....	12
1.1. Основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в советской историографии.....	12
1.2. Основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в постсоветской историографии.....	21
Глава II. Мезолитические могильники и погребальные комплексы севера Восточной Европы.....	32
2.1. Общая характеристика мезолита севера Восточной Европы.....	32
2.2. Характеристика мезолитических могильников и погребальных комплексов севера Восточной Европы.....	35
Глава III. Характеристика погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы.....	70
Заключение.....	85
Список использованных источников и литературы.....	88

Введение

В изучении эпохи камня особое место занимает средний каменный век – мезолит. Мезолит на сегодняшний день остаётся одним из самых спорных, неоднозначных и неравномерно изученных археологических периодов. Вместе с тем мезолитические памятники с разной степенью интенсивности распределены по различным регионам, что придаёт дополнительную сложность в изучении данного периода. Еще более непросто обстоит дело с мезолитическими могильниками и погребальными комплексами, которые в виду подвижного образа жизни населения охотников и собирателей, к тому же предпочитавшим одиночные захоронения, встречаются довольно редко, и обычно расположены вдали от поселений и стоянок. В тоже время погребальный обряд – это один из самых важных и информативных археологических источников, обладающих массовым характером и выраженной локальной спецификой.

Регион, обозначенный как север Восточной Европы, привлекает внимание исследователей тем, что на его территории располагается на редкость большое количество мезолитических могильников и погребальных комплексов, что само по себе предоставляет уникальную возможность для изучения погребального обряда данной эпохи. Без изучения погребального обряда невозможно полноценное исследование эпохи мезолита. Всё это говорит об **актуальности** и необходимости изучения погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы.

Историографический обзор. Несмотря на наличие исследований, посвященных погребальным комплексам и могильникам севера Восточной Европы, непосредственно погребальному обряду уделено мало внимания. Всю историографию, использованную в данной работе, можно разделить на три тематических блока.

Первый блок составили работы отечественных исследователей, посвященные вопросам теоретического осмысления погребальной обрядности. Различные походы к теории погребального обряда представлены в статьях: В.А. Алекшина «Погребальный обряд как археологический источник¹», Г.С. Лебедева «Погребальный обряд как источник социологической реконструкции²», Гуляева В.И. «Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию)³», «Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II)⁴», Кислого А.Е. «Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения⁵», М.Ф. Косарева «Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам)⁶», И.Л. Кызласова «Мировоззренческая основа погребального обряда⁷», «Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему⁸», В.И. Мельника «Погребальный обычай и погребальный памятник⁹», «Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным¹⁰», В.С. Ольховского «Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий¹¹», «Обычай и обряд как формы

¹ Алекшин В.А. Погребальный обряд как археологический источник //Краткие сообщения Института археологии. – 1981. – №. 167.

² Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (По материалам Скандинавии эпохи викингов) //КСИА. М. – 1977. – №. 148.

³ Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 76-77.

⁴ Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 84-85.

⁵ Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения //РА. – 1995. – №. 2. – С. 112-123.

⁶ Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) //КСИА. – 2010. – №. 224. – С. 33-52.

⁷ Кызласов И.Л. Мировоззренческая основа погребального обряда //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 98-112.

⁸ Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему //РА. – 1995. – №. 2. – С. 99-104.

⁹ Мельник В.И. Погребальный обычай и погребальный памятник //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 94-97.

¹⁰ Мельник В.И. Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным //КСИА. Выпуск 224. – 2010. – С. 52-60.

¹¹ Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий //Советская археология. – 1986. – №. 1.

традиции¹²», «Погребальная обрядность (содержание и структура)¹³», «Погребальная обрядность и социологические реконструкции¹⁴», Н.Б. Леоновой и Ю.А. Смирнова «Погребение как объект формального анализа¹⁵», В.Ф. Генинга и В.А. Борзунова «Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда¹⁶», С.А. Плетнёвой «Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности¹⁷», Н.А. Рычкова «Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий)¹⁸», В.Н. Федосовой «О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций¹⁹». Отметим совместные статьи^{20,21} В.И. Гуляева и В.С. Ольховского. В статье²² Е.В. Лагуткиной «Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования», делается обзор и дана характеристика исследовательским подходам, представленным в историографии. Также ряд подходов освящен в монографиях: «Экономика и социальный строй древних обществ:(в свете данных археологии)²³» В.М. Массона, «Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры²⁴» Г.Ф. Никитиной, «Мустьерские погребения Евразии²⁵» Ю.А.

¹² Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиции //Российская археология. – 1997. – №. 2. – С. 159-168.

¹³ Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 78-93

¹⁴ Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 85-98

¹⁵ Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа //Краткие сообщения Института археологии. – 1977. – №. 148. – С. 16-24.

¹⁶ Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда //Вопросы археологии Урала. Вып. 13. – 1975.

¹⁷ Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности //Российская археология. – 1993. – №. 4. – С. 160-172.

¹⁸ Рычков Н.А. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) //РА. – 1997. – №. 2. – С. 150-159.

¹⁹ Федосова В.Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 104-112.

²⁰ Гуляев В.И., Ольховский В.С. Круглый стол «Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений» //РА. – 1999. – №. 1. – С. 246-250.

²¹ Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации //Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – 1999. – С. 10-18.

²² Лагуткина Е.В. Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // Краткие сообщения Института археологии. – 2010. – №. 224. – С. 19-32.

²³ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ:(в свете данных археологии). – Наука, 1976.

²⁴ Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры. – Наука, 1985.

²⁵ Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. Москва: Наука. – 1991.

Смирнова. Также отметим сборник²⁶ «Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений» под редакцией В.С. Ольховского и 224 выпуск²⁷ «Кратких сообщений Института археологии», посвященный проблемам изучения погребального обряда. В каждой из этих работ авторами представлен свой подход к изучению погребального обряда.

Второй блок составили работы, характеризующие погребальные комплексы и могильники севера Восточной Европы. Сюда вошла монография²⁸ «Мезолит СССР», которая содержит общую информацию о выбранном нами регионе в указанную эпоху. В монографии²⁹ Н.Н. Гуриной «Оленеостровский могильник», вышедшей в 47 томе «Материалов и исследований по археологии СССР», содержатся описания богатейшего материала, раскопанного на данном памятнике, и ряд интерпретаций. Также отметим вступительную статью³⁰ В.И. Равдоникаса, в которой сделаны первоначальные обобщения о характере этого памятника. Помимо этой монографии Оленеостровский могильник подробно охарактеризован в статье³¹ В.Ф. Филатовой «Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии». В статье³² И. Загорска и Ф. Загорскиса «Мезолит Латвии» в 149 выпуске сборника «Краткие сообщения Института археологии» дан общий обзор мезолита региона. Археологические исследования на памятнике Дуонкальнис описаны в статье³³ Р. Кунскаса А. Бутримаса Г. Чесниса И. Бальчюнене «Дуонкальнис поселение, жертвенное

²⁶ Гуляев В.И., Каменецкий И.С., Ольховский В.С. (отв. ред.). Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – 1999. – 248 с.

²⁷ Краткие сообщения Института археологии. М.: Языки славянской культуры, 2010. – №. 224. – 344 с.

²⁸ Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука. – 1989. – 352 с.

²⁹ Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник//МИА. Вып. – Т. 47. 1956. – 430 с.

³⁰ Равдоникас В.И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера //Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М. – 1956. – №. 47. – С. 7-24.

³¹ Филатова В.Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии //Кижский вестник. – 2002. – №. 7. – С. 177-212.

³² Загорска И., Загорскис Ф. Мезолит Латвии //Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1977. – №. 149. – С. 69-75.

³³ Кунскас Р., Бутримас А., Чеснис Г., Бальчюнене И. Дуонкальнис поселение, жертвенное место и могильник позднего неолита // Lietuvos archeologija №4. Vilnius, 1985. – С. 63-66.

место и могильник позднего неолита». В статьях^{34,35} С.В. Ошибкиной «Мезолитические погребения восточного Прионежья» и «Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы» содержится обширная информация о памятниках данного региона. В статье³⁶ Р.К. Римантене «Основные черты мезолита Литвы» в 149 выпуске сборника «Краткие сообщения Института археологии» дан общий обзор мезолита региона. Этот же исследователь стал автором обобщающей работы³⁷ «Палеолит и мезолит Литвы». В статье³⁸ А.В. Суворова «Способы обращения с телами умерших в погребениях каменного века на памятниках Милино I и II на Кубенском озере» помимо непосредственно ответа на конкретный вопрос о способах обращения с телами умерших дан и общий обзор исследований на памятниках Милино I и II. В статье³⁹ А. Бутримаса «Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania» содержится краткая, но ёмкая характеристика памятника Спигинас в Литве. Из статьи⁴⁰ Ф. Загорскиса «Zvejnieku akmens laikmets kapulauka apbedījumu tipoloģija un hronoloģija» была взята информация о работах на могильнике Звейниекс.

Третий блок составили работы, в которых осмысливается применение методов математического анализа и математической статистики для изучения погребального обряда. Сюда вошёл сборник «Формализованно-статистические методы в археологии (погребальные памятники)⁴¹» под редакцией Е.П. Бунятяна, в котором «раскрываются методологические основания применения количественных методов при изучении погребальных

³⁴ Ошибкина С.В. Мезолитические погребения восточного Прионежья // Археологические вести. – 1994. – №. 3. – С. 48-57.

³⁵ Ошибкина С.В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы // Российская археология. – 2007. – №. 1. С. 36-48.

³⁶ Римантене Р.К. Основные черты мезолита Литвы // Краткие сообщения Института Археологии. – 1977. – Т. 149. – С. 66-69.

³⁷ Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. – Минтис, 1971. – 205 с.

³⁸ Суворов А.В. Способы обращения с телами умерших в погребениях каменного века на памятниках Милино I и II на Кубенском озере // Русская культура нового столетия. – Вологда, 2007. – С. 21-26.

³⁹ Butrimas A. Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania // Mesolithic Miscellany. – 1989. – Т. 10. – №. 2. – С. 10-11.

⁴⁰ Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmets kapulauka apbedījumu tipoloģija un hronoloģija // Arheoloģija un etnografija. – 1974. – Т. 11. С, 22-23.

⁴¹ Бунятян Е.П. и др. Формализованно-статистические методы в археологии (погребальные памятники). – 1990.

памятников, их познавательные возможности и место в структуре археологического познания⁴²». Такая же задача решается в статье⁴³ Е.П. Бунятына в сборнике «Новые методы археологических исследований». Историографический обзор математических методик изучения погребального обряда дан в статье⁴⁴ О.Н. Свиридовской в сборнике «Археология Сибири: историография».

Хронологические рамки исследования охватывают эпоху мезолита. Для данного региона мезолит ограничивается периодом IX – IV тыс. до н.э. Климатически мезолит данного региона соответствует пребореальному, бореальному и первой половине атлантического периодов.

Территориальные рамки данного исследования ограничены севером Восточной Европы. Сюда входит южная часть Карелии, Восточное Прионежье, территория Латвии и Литвы.

Методологическую основу исследования составляет принцип историзма, который подразумевает рассмотрение истории как процесса, изменяющегося по сущности и во времени, а также учет конкретно-исторических условий, в которых происходило развитие явления. В данной работе принцип историзма проявляется в рассмотрении погребальных комплексов севера Восточной Европы в рамках конкретно-исторических условий мезолита данной территории. Также принцип историзма необходим в данной работе для рассмотрения мезолитического погребального обряда в динамике в указанных нами хронологических рамках.

В данной работе используется системный подход, который предполагает изучение объектов и явлений прошлого как целостных

⁴² Указ соч. – С. 4.

⁴³ Бунятын Е.П. Методологические предпосылки применения формально-статистических методов в археологии // Новые методы археологических исследований. Киев: «Наукова думка». – 1982. С. 75-87.

⁴⁴ Свиридовская О.Н. Некоторые аспекты математических методик изучения погребального обряда (по литературе 1960-1990-х гг.) // Археология Сибири: историография: Межвед. сб. науч. тр. Омск, 1995. – С. 34-48.

исторических систем. В рамках этого подхода погребальный обряд рассматривается как система взаимосвязанных признаков.

Для решения поставленных задач в работе используются дескриптивный и историко-сравнительный методы исследования, а также методы математической статистики.

Дескриптивный метод – это метод исследования, направленный на корректное проведение процедур сбора, первичного анализа и изложения сведений источников и их характеристик. В данной работе этот метод применяется при работе с опубликованными материалами полевых исследований, в которых описываются мезолитические погребения.

Историко-сравнительный метод предполагает путем сравнения выявление общего и особенного, а также установление причин этих сходств и различий. В данной работе этот метод применяется в виде сопоставления инвентаря мезолитических могил севера Восточной Европы для выявления общих и особенных черт погребальной обрядности.

Методы математической статистики позволяют свести разнородные данные к конкретным сравнимым величинам, которые затем можно сопоставлять между собой и делать выводы о сходствах и различиях исследуемых явлений. В данной работе были применены методы первичной описательной статистики – расчёт мер центральной тенденции, мер изменчивости и расчёт процентного соотношения. Расчёты были выполнены в программе IBM SPSS Statistics версия 21.

Также при составлении набора параметров для характеристики погребального обряда за основу был взят набор из методики статистической характеристики погребального обряда, разработанной В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым.

Источниковая база выпускной квалификационной работы определена в соответствии с объектом, предметом, поставленными целью и задачами.

Основными источниками данного исследования служат публикации материалов полевых работ на рассматриваемых нами погребальных памятниках.

Материалы по Оленеостровскому могильнику содержатся в монографии⁴⁵ Н.Н. Гуриной. В приложении I описаны все могилы данного памятника. Могильный комплекс Песчаница описан в статьях^{46,47} С.В. Ошибкиной. В статьях этого же автора содержатся сведения о погребениях могильника Попово, Сямозеро II и Черная Губа. Данные о захоронениях из комплексов Монино I и Монино II содержатся в статье⁴⁸ А.В. Суворова. Материалы по могильнику Звейниекис содержатся в статье⁴⁹ Ф. Загорскиса. Сведения о погребениях могильника Спигинас опубликованы в статье А. Бутримаса⁵⁰. Могильник Дуонкальнис охарактеризован в статье⁵¹ Р. Кунскас, А. Бутримаса, Г. Чесниса, и И. Бальчюнене.

В совокупности имеющиеся источники способствуют решению поставленных научных задач.

Объектом исследования в данной работе являются погребальные комплексы эпохи мезолита севера Восточной Европы.

Предмет данного исследования – погребальный обряд мезолитического населения севера Восточной Европы.

Цель работы – характеристика погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы с выделением общих и специфических черт.

⁴⁵ Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник//МИА. Вып. – Т. 47. 1956.

⁴⁶ Ошибкина С.В. Мезолитические погребения восточного Прионежья //Археологические вести. – 1994. – №. 3.

⁴⁷ Ошибкина С.В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы //Российская археология. – 2007. – №. 1.

⁴⁸ Суворов А.В. Способы обращения с телами умерших в погребениях каменного века на памятниках Монино I и II на Кубенском озере // Русская культура нового столетия. – Вологда, 2007.

⁴⁹ Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka arbedijumu tipologija un hronologija //Arheologija un etnografija. – 1974. – Т. 11.

⁵⁰ Butrimas A. Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania //Mesolithic Miscellany. – 1989. – Т. 10. – №. 2

⁵¹ Кунскас Р., Бутримас А., Чеснис Г., Бальчюнене И. Дуонкальнис поселение, жертвенное место и могильник позднего неолита // Lietuvos archeologija №4. Vilnius, 1985.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в отечественной историографии;
- выявить все погребальные комплексы севера Восточной Европы, содержащие мезолитические могилы;
- описать все выявленные мезолитические могилы;
- охарактеризовать с помощью методов первичной описательной статистики погребальный обряд мезолитического населения севера Восточной Европы.

Научная значимость данной работы заключается в применении методов математической статистики к материалам мезолитических могильников и погребальных комплексов севера Восточной Европы, что позволит охарактеризовать общие и специфические черты погребального обряда населения данной территории.

Отдельные аспекты данной работы были **апробированы** на XLIII региональной научно-практической конференции «Молодежь третьего тысячелетия», которая проходила с 25 по 26 апреля 2019 года в Омском государственном университете.

Глава I. Основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в отечественной историографии

1.1. Основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в советской историографии

Погребальный обряд является одним из наиболее интересных и информативных археологических источников. Он присущ любой археологической культуре. При этом он всегда имеет свои локальные особенности. В отличие от поселений погребальный обряд фиксируется одномоментно, соответственно он лучше идентифицируется хронологически. Помимо всего прочего погребальный обряд несёт в себе информацию о духовной культуре, социальной стратификации и этнической истории.

Теоретическое осмысление погребальной обрядности в археологии набирает силу с 70-х годов XX века и связано это с рядом процессов, протекавших в науке.

Во-первых, к этому времени была накоплена обширная источниковая база, нуждающаяся в систематизации и обобщении.

Во-вторых, в историческую науку и в археологию, как в её составную часть, активно входят методы математического анализа и математической статистики, а погребальный обряд как массовый источник очень подходит для формализации.

В-третьих, археологическая наука всё более стремится выработать строгий, формализованный теоретико-методологический аппарат, а тематика погребальной обрядности остаётся к этому времени ещё не охваченной.

В-четвёртых, в это время в моду входит социологизация гуманитарного знания, которая в археологии выразилась в реконструкциях социально-экономической жизни древних обществ, основным источником для которых стал погребальный обряд.

В-пятых, в это время исследователи обращаются к той проблематике, которая ранее или оставалась на периферии интересов археологов, либо вовсе не разрабатывалась. Речь идёт о вопросах, связанных с духовной культурой, этногенезом и культуругенезом.

В-шестых, может быть в меньшей степени, но тоже немало важно, что именно к этому времени как научная дисциплина складывается этноархеология, а погребальный обряд – это одно из полей, в рамках которого археология и этнография могут проводить совместные исследования.

Теоретическое изучение погребального обряда в отечественной историографии нами было разделено на два этапа – советский и постсоветский. Нам видится целесообразным именно такое деление, потому что разработка данной проблематики в советской науке начинается достаточно поздно – в середине семидесятых годов, – от десятилетия к десятилетию существенных изменений происходит не так много, и единственным по-настоящему сильным сдвигом стало начало 90-х годов XX века, которое и обозначило рубеж между советским и постсоветским периодами. Постсоветский период мы условно будем продолжать вплоть до 10-х годов века XXI. Далее мы обратимся к ряду теоретических воззрений на погребальную обрядность, представленных в советской науке.

Наш обзор мы начнём с середины 70-х годов XX века, а именно со статьи⁵² В.Ф. Генинга и В.А. Борзунова «Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда» в журнале «Вопросы археологии Урала», которую авторы начинают с теоретического введения, где предлагают собственную модель погребального обряда.

Погребальный обряд для них – это определенная последовательность действий, совершенная в прошлом. Археология имеет дело с конечными

⁵² Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. – 1975. – С. 42-72.

результатами этих действий, которые отразились в сооружениях, инвентаре и костяках. До исследователя доходит не вся последовательность действий, а лишь её часть, причем о смысловом наполнении этой цепочки зачастую остаётся только догадываться. Таким образом, авторы приходят к выводу о редуцированном характере погребального обряда в археологии.

В.Ф. Генинг и В.А. Борзунов отмечают значимость погребального обряда для исследований по этнокультурным вопросам. Они делят погребальный обряд как процесс на шесть фаз, которые присутствуют в любом погребальном обряде, но могут быть наполнены с разной степенью. Первая фаза – подготовка места захоронения. Вторая – подготовка умершего к захоронению. Третья – захоронение умершего. Четвертая – сопроводительный инвентарь. Пятая – ритуальные остатки. Шестая фаза – завершающий этап захоронения.

Далее обратимся к монографии В.М. Массона «Экономика и социальный строй древних обществ: (в свете данных археологии)», в которой автор затрагивает⁵³ в восьмой главе «Погребальные обряды и социальная стратификация древних обществ» некоторые теоретические аспекты по интересующему нас вопросу.

Реконструкция погребального обряда, по мнению В.М. Массона, должна проводиться в первую очередь для того, чтобы восстановить идеологические представления исследуемого народа. На эти представления влияют два основных фактора: этнические особенности и общественные отношения. Сам погребальный обряд распадается на три блока: инвентарь, способ захоронения и устройство могилы.

Различия в погребальной обрядности в рамках одного этноса или археологической культуры В.М. Массон объясняет с помощью трёх переменных: социальное положение умершего, условия и место смерти.

⁵³ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ:(в свете данных археологии). – Наука, 1976. – С. 149-176.

Причем автор особенно подчеркивает, что «погребальные обряды отражают именно социальное, а не имущественное положение усопших⁵⁴».

Ещё одна интересная для нашего обзора точка зрения содержится в 148 номере сборника кратких сообщений Института археологии в статье⁵⁵ Г.С. Лебедева «Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (По материалам Скандинавии эпохи викингов)», в которой автор рассматривает погребальный обряд как систему взаимосвязанных признаков. Эти признаки он делит на четыре класса: первый – способ погребения, второй – вид захоронения, помещения останков, третий – конструкция погребального сооружения, четвёртый – состав и размещение жертвоприношений, погребального инвентаря.

Г.С. Лебедев выделяет две основных группы признаков погребального обряда: материальные объекты и их положение в ненарушенных комплексах. Эти же признаки по мысли автора могут быть разделены на «сакральные» и «социальные».

Тип обряда Г.С. Лебедев предлагает определять по устойчивым сочетаниям выделенных им четырех классов признаков. Сам тип обряда автор называет ««записью» определенной последовательности действий⁵⁶». Он использует термин «метаструктура ритуала», под которым предлагает понимать «необходимый для совершения ритуала минимум действий⁵⁷» при определенном способе захоронения (кремации или ингумации). Каждый тип соответственно – это метаструктура ритуала с дополнительными наслоениями взаимосвязанных актов.

⁵⁴ Массон В.М. Указ. соч. – С. 159.

⁵⁵ Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (По материалам Скандинавии эпохи викингов) //КСИА. М. – 1977. – №. 148. – С. 24-30.

⁵⁶ Лебедев Г.С. Указ. соч. – С. 24.

⁵⁷ Там же.

На страницах этого же выпуска кратких сообщений Института археологии Н.Б. Леонова и Ю.А. Смирнов в своей статье⁵⁸ «Погребение как объект формального анализа» обращают внимание на необходимость уточнения терминов, связанных с погребальной обрядностью.

Они рассматривают погребение как явление материальной культуры. Авторы предлагают следующую схему: физическое вычленение (смерть) – духовное вычленение – материально-ритуальное вычленение – материальные остатки – сохранившиеся к моменту раскопок материальные остатки.

Весь процесс захоронения Н.Б. Леонова и Ю.А. Смирнов делят на 15 акций, начиная с отведения места для погребения и заканчивая созданием и возведением надгробного памятника, часть из которых находят прямое, а часть косвенное отражение в материальных остатках. Часть этапов материально-ритуального вычленения индивида вовсе не находят отражения в материальных остатках (погребальные плачи, ритуальные танцы и т.д.).

Авторы используют термин «погребальный комплекс». Структуру погребального комплекса составляют: погребальное сооружение, останки погребенного и погребальный инвентарь.

Переходя к 80-м годам, остановимся на статье⁵⁹ В.А. Алекшина в 167 номере сборника кратких сообщений Института археологии «Погребальный обряд как археологический источник», в которой автор пишет, что погребальный обряд состоит из двух взаимосвязанных компонентов: набор ритуальных действий и набор материальных элементов. Синтез этих двух наборов элементов составляют стандартный погребальный обряд любой археологической культуры.

В.А. Алекшин выделяет шесть информативных блоков, которые содержит погребальный обряд как источник. Первый – представления людей

⁵⁸ Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа //Краткие сообщения Института археологии. – 1977. – №. 148. – С. 16-23.

⁵⁹ Алекшин В.А. Погребальный обряд как археологический источник //Краткие сообщения Института археологии. – 1981. – №. 167. – С. 3-9.

о путях и способах перехода умерших в потусторонний мир, о жизни в стране мёртвых. Второй – культурогенез, выраженный в смене одного погребального обряда другим. Третий – общественное положение различных половозрастных групп. Четвертый – степень социального расслоения. Пятый – эволюция форм семьи и брака. Шестой – демографические аспекты жизни древних обществ. Вся эта информация потенциально содержится в погребальном обряде.

Г.Ф. Никитина в своей монографии «Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры» во введении⁶⁰ затрагивает проблемы, связанные с теоретическим осмыслением погребального обряда в археологии. Она определяет погребальный обряд – с точки зрения археологической науки – как «сумму овеществленных остатков от ритуальных действий и погребальных церемоний, совершенных в момент захоронения покойника⁶¹». Г.Ф. Никитина также, как и В.Ф. Генинг и В.А. Борзунов, подчеркивает усечённость, ограниченность информации о погребальном обряде, которая доходит до исследователя.

Особенно основательно занялся разработкой теории В.С. Ольховский, который в своей статье⁶² «Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий» в журнале Советская археология предпринял попытку конкретизировать содержание понятий, связанных с тематикой погребального обряда.

В.С. Ольховский рисует следующую схему. Во всём многообразии идеологических представлений человечества он выделяет в качестве отдельной категории религиозно-мифологические системы. Особую часть этих систем составляют погребально-поминальные обычаи, которые он определяет как «не регламентированные юридическими установлениями

⁶⁰ Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры. – Наука, 1985. – С. 3.

⁶¹ Там же.

⁶² Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. – 1986. – №. 1. – С. 65-76.

способы и нормы обращения с умершим членом общества⁶³». На основе этих обычаев формируется погребально-поминальный обряд.

Погребальный обряд распадается на две сферы: идеологическую и практическую. Идеологическая сфера состоит из двух уровней: процессуального (системы предписаний) и семантического (система религиозных представлений). Практическая сфера погребального обряда – это «система символических и реальных действий, осуществляемых при захоронении умершего⁶⁴».

Автор даёт погребальному обряду следующее определение: «совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определёнными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и завершения захоронения умершего⁶⁵».

Погребальная обрядность тесно переплетена с поминальной и реализуется в создании погребального памятника. Погребальный памятник – это «конечный продукт, вещественный результат погребального ритуала, специально оформленное место захоронения людей или животных⁶⁶». В создании погребального памятника В.С. Ольховский видит конечную, – но как он отмечает не единственную, – цель погребального обряда.

Погребальный памятник содержит в себе семь элементов, которые разделены на три уровня. Первый уровень – уровень погребения – включает в себя: погребальное сооружение, останки погребённого, погребальный инвентарь. Второй уровень – уровень погребального комплекса – включает в себя, вместе с уже указанными: надгробное сооружение и следы ритуальных действий, подкурганное сооружение и следы ритуальных действий, внекурганное сооружение и следы ритуальных действий. Третий

⁶³ Ольховский В.С. Указ. соч. – С. 67.

⁶⁴ Ольховский В.С. Указ. соч. – С. 68.

⁶⁵ Ольховский В.С. Указ. соч. – С. 69.

⁶⁶ Там же.

уровень – уровень погребальной группы – включает в себя, вместе с уже указанными: группу элементов метаструктуры погребального комплекса. Здесь отметим использование того же термина, что и у Г.С. Лебедева.

Автор приходит к выводу, что, во-первых, «достоверная реконструкция ритуала возможна только на основе правильной реконструкции погребального памятника⁶⁷», а, во-вторых, «полная реконструкция ритуала на основе только погребальных памятников невозможна⁶⁸».

Также В.С. Ольховский выделяет ряд факторов, от которых зависит существование и эволюция погребального обряда: экономический (уровень материального развития общества и тип хозяйства), экологический (условия среды обитания), религиозно-мифологический фон, этнотрадиционный (совокупность погребальных обычаев), физиологический (пол и возраст погребённого), индивидуальность (авторитет, род занятий), социальный (социальное положение и социальные связи), обстоятельства смерти (место и условия), внешние влияния (заимствования или этнические смешения).

Приближаясь к завершению обзора основных исследовательских подходов к изучению погребального обряда в советской историографии, остановимся на монографии Ю.А. Смирнова «Мустьерские погребения Евразии», в которой автор посвящает первую главу⁶⁹ теории и методике изучения погребений.

Ю.А. Смирнов предлагает использовать термин «тафология», понимая под ним «сумму традиционных знаний любого конкретного общества о способах обращения с умершими и, в частности, об их преднамеренном погребении, а также изучение этой сферы деятельности человека⁷⁰».

Автор констатирует, что в трёх составляющих преднамеренного погребения (позах погребённых, погребальных сооружениях, погребальном

⁶⁷ Ольховский В.С. Указ. соч. – С. 71.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. Москва: Наука. – 1991. С. 17-60.

⁷⁰ Смирнов Ю.А. Указ. соч. – С. 17.

инвентаре) с момента возникновения практически не наблюдается равномерного, поступательного развития от простых форм к сложным. Более того, по какой-то причине несхожие между собой формы религиозных представлений и социальных отношений порождают идентичные формы погребений.

Процесс создания преднамеренного погребения по мнению автора представляет собой «целенаправленный перенос останков умершего из социоморосферы в социотафосферу⁷¹».

Ю.А. Смирнов определяет погребальный комплекс как систему, ядром которой являются останки погребённого. Погребальный комплекс состоит из внешней структуры (погребального сооружения), внутренней структуры (останков погребенного), погребального инвентаря и дополнительных структур.

Таким образом, данный обзор носит далеко не исчерпывающий характер. Нами были охарактеризованы лишь самые основные точки зрения на теорию погребального обряда, но и этой краткой характеристики достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

Во-первых, почти все представленные исследовательские подходы, кроме В.А. Алекшина, основаны каждый в отдельности на материалах разных исторических эпох. В.Ф. Генинг и В.А. Борзунов иллюстрируют свою методику материалами западноандроновских могильников алакульского типа. Монография В.М. Массона посвящена древним обществам Средней Азии и Ближнего Востока. Г.С. Лебедев основывается на материалах Скандинавии эпохи викингов. Н.Б. Леонова и Ю.А. Смирнов выработали свои теоретические понятия на основе изучения материалов эпохи неолита и раннего металла. Монография Г.Ф. Никитиной посвящена Черняховской культуре II-IV вв. н.э. В.С. Ольховский строит свою схему на материалах

⁷¹ Смирнов Ю.А. Указ. соч. – С. 24.

евразийских степных погребений раннего железного века. Монография Ю.А. Смирнова посвящена мустьерским погребениям. Соответственно, так или иначе, не смотря на все сходства погребальной обрядности, исследователи подходят к вопросу с несколько разной источниковой базой и, как следствие, они делают акценты на разных аспектах темы.

Во-вторых, глобальные процессы, протекавшие в советской науке, нашли отражение и в работах по теории погребального обряда. Это в частности выразилось в том, что работы 70-х – 80-х годов тесно связаны с применением математических методов.

В-третьих, исследователи оперировали терминологией из тематики погребального обряда («погребение», «погребальный обряд», «погребальная практика») в разных контекстах, наполняя понятия несхожим смыслом, соответственно это порождало ситуацию терминологического разнобоя.

В-четвертых, советская историография на своём излёте приходит к выводу: для каждого региона и конкретной эпохи нужен собственный подход в изучении погребального обряда, который будет учитывать всю местную специфику и сможет адекватно отобразить картину, сложившуюся на конкретном местном материале.

Наконец, в-пятых, изучение погребального обряда должно двигаться в дальнейшем в рамках междисциплинарного подхода.

1.2. Основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в постсоветской историографии

Начало нового этапа в отечественной историографии было отмечено всплеском интереса к теоретическим проблемам погребального обряда. В частности, первый номер журнала Российская археология за 1993 год включал в себя дискуссию под заголовком «Погребальная обрядность:

структура, семантика и социальная интерпретация». В ней приняли участие В.С. Ольховский⁷², В.И. Мельник⁷³ и И.Л. Кызласов⁷⁴. Во введении⁷⁵ в дискуссию В.И. Гуляев пишет о ряде тенденций в изучении погребального обряда, часть из которых следуют в рамках позднесоветской науки, а часть является отходом от прежних установок. Он отмечает, что к данному моменту накоплена чрезвычайно объёмная источниковая база, охватить которую даже на самом локальном материале исследователям практически не под силу. Отсюда проблема создания обобщающих трудов. Продолжилось своеобразное размывание понятий, исследователями используется целый ряд терминов («погребальный обряд», «погребальный культ», «погребение», «погребальная практика», «погребальная обрядность» и т.д.), значения которых часто даются очень размыто и сами они пересекаются между собой. Междисциплинарный подход укрепляется в качестве ведущего по отношению к изучению данной тематики. Происходит отход от абсолютизации применения формально-статистических методов, набирают популярность культурологические толкования погребальной обрядности.

Открывала дискуссию статья⁷⁶ В.С. Ольховского «Погребальная обрядность (содержание и структура)». В ней автор разбирает три работы, трёх разных исследователей данной темы и параллельно выдвигает собственные положения.

В.С. Ольховский здесь несколько корректирует схему, охарактеризованную нами в предыдущем пункте, но в базовых своих основаниях и положениях она остаётся прежней. В конце статьи автор пишет, что вырисовывается «более или менее единый теоретический взгляд

⁷² Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 78-93.

⁷³ Мельник В.И. Погребальный обычай и погребальный памятник //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 94-97.

⁷⁴ Кызласов И.Л. Мировоззренческая основа погребального обряда //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 98-112.

⁷⁵ Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 76-77.

⁷⁶ Ольховский В.С. Указ. соч.

на интересующую нас проблему⁷⁷» и «имеется реальная возможность <...> создания многогранной модели погребально-поминальной обрядности⁷⁸».

Продолжилась дискуссия статьёй⁷⁹ В.И. Мельника «Погребальный обычай и погребальный памятник». Автор даёт следующее определение погребального обычая – «стереотипные практические действия, осуществляемые членами того или иного коллектива по отношению к умершему от момента его смерти до совершения погребения и создания погребального памятника⁸⁰».

Элементы обрядовых и обычных (связанных с обычаем) действий как правило тесно переплетены между собой. Поэтому В.И. Мельник использует термин С.А. Токарева – «обрядовый обычай».

Погребальные обычаи вытекают из установленного традицией способа погребения, который и предполагает необходимые этапы процесса захоронения. Форма осуществления этих этапов закрепляется обычаем. Обряд же детализирует форму исполнения принятых этапов процесса погребения. Обряд дополняет обычай и придаёт особое значение ряду деталей процесса погребения. Цели обычая и обряда расходятся, но они имеют общий результат – погребальный памятник.

Стоит отметить, что автор использует термин «погребальный процесс», обозначая им всю совокупность действий, совершаемых в ходе погребения.

Сам погребальный памятник представляет собой объект, в котором выделяются следующие структуры: комплекс погребального сооружения (помещение, интерьер, надмогильное сооружение, сопутствия), комплекс погребённого (тело, облачение, ложе, сопровождения), сателлиты (жертвенники и проч.).

⁷⁷ Ольховский В.С. Указ. соч. – С. 93.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Мельник В.И. Указ. соч.

⁸⁰ Мельник В.И. Указ. соч. – С. 95.

Закрывала дискуссию в этом номере статья⁸¹ И.Л. Кызласова «Мировоззренческая основа погребального обряда». Автор выделил три стадии в развитии мировоззренческих основ погребальных обычаев и форм захоронений. На первой стадии формируются и осуществляются представления о необходимости возврата умершего в священный производящий центр или стихию. Реализация этих представлений не требовала создания погребальных сооружений и снаряжения умершего сопутствующим инвентарём. И.Л. Кызласов относит эту стадию к эпохе нижнего палеолита. На второй стадии формируются и осуществляются представления о существовании особого потустороннего мира мёртвых, внешне сходного (или противоположного) с миром живых. Реализация этих представлений потребовала создания погребальных сооружений и снаряжения умершего инвентарём. Автор относит эту стадию к эпохе среднего палеолита. На третьей стадии формируются и осуществляются представления о вертикальной трёхчленной модели мироздания: верхний, средний и нижний мир. Это привело к появлению сложных образов: мирового древа, мировой горы, мировой реки, проходящих через все три яруса мира. Реализация этих представлений потребовала создания многообразных форм подземных погребений, закапывания покойника в яму и возведения над ним насыпи и иных надмогильных сооружений и надгробий. И.Л. Кызласов относит эту стадию к эпохе верхнего палеолита.

В четвёртый номер журнала Российская археология за 1993 год была помещена статья⁸² С.А. Плетневой «Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности», в которой автор задаётся вопросом: насколько убедительны определяющие «признаки богатства» и насколько правомерно их использование при делении погребальных комплексов на социальные категории.

⁸¹ Кызласов И.Л. Указ. соч.

⁸² Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности //Российская археология. – 1993. – №. 4. – С. 160-172.

Свои рассуждения С.А. Плетнева выстраивает на материале могильника у с. Дмитриевка Белгородской области, относящегося к лесостепному (аланскому) варианту салтово-маяцкой культуры – культуры Хазарского каганата.

Автор приходит к выводу, что использование «признаков богатства» при делении погребальных комплексов на социальные категории возможно и правомерно, но при соблюдении определённых условий. Необходимо учитывать локальное своеобразие памятников и различия в их хронологии. Каждый могильник имеет свой набор «признаков богатства» и сами признаки в разных комплексах имеют свои особенности.

Дискуссия на страницах журнала Российская археология продолжилась в 1995 году. Во втором номере были помещены статьи В.С. Ольховского⁸³, И.Л. Кызласова⁸⁴, В.Н. Федосовой⁸⁵ и А.Е. Кислого⁸⁶. Во введении⁸⁷ В.И. Гуляев отметил, что второй раунд дискуссии будет посвящён более конкретным и глубоким вопросам рассматриваемой темы, в отличие от первого, в котором речь шла об общих вопросах. Несколько расширяется понятие междисциплинарности: теперь имеется в виду не только комплексные исследования археологов, этнографов, культурологов, но и привлечение данных таких дисциплин как физическая антропология, палеодемография, палеопатология и др.

Открылась дискуссия статьёй⁸⁸ В.С. Ольховского «Погребальная обрядность и социологические реконструкции». Автор ставит перед собой цель ответить на ряд вопросов: содержит ли погребальный обряд как

⁸³ Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 85-98.

⁸⁴ Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему //РА. – 1995. – №. 2. – С. 99-104.

⁸⁵ Федосова В.Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 104-112.

⁸⁶ Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения //РА. – 1995. – №. 2. – С. 112-123.

⁸⁷ Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 84-85.

⁸⁸ Ольховский В.С. Указ. соч.

источник социологическую информацию, если содержит, то насколько она всеобъемлюща. Далее возможно ли извлечение этой информации из источника, если да, то каким образом это правильно сделать.

В.С. Ольховский приходит к следующим выводам. Погребальный обряд как источник действительно содержит социологическую информацию, но это информация не столько о реальном, сколько о реально-мифологическом и потусторонне-мифологическом мире с элементами мира реального, поэтому эти данные можно привлекать для реконструкции социальной структуры палеообщества, но не абсолютизируя их. Социологическая информация содержится в данном источнике в опосредованном, преломленном, неполном виде. Извлечение этой информации возможно, но требует ряда специальных операций по реконструкции погребального памятника и погребальной обрядности.

Дискуссия продолжилась статьёй⁸⁹ И.Л. Кызласова «Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему». На материале могильников аскизской культуры и данных о современной погребальной практике жителей Хакасии автор показал, как работает сочетание археологических и этнографических источников при интерпретации погребального обряда.

Завершали дискуссию статьи^{90,91} В.Н. Федосовой «О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций» и А.Е. Кислого «Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения», их характеристику мы опускаем, поскольку они посвящены не самому погребальному обряду, а смежным с ним проблемам.

⁸⁹ Кызласов И.Л. Указ. соч.

⁹⁰ Федосова В.Н. Указ. соч.

⁹¹ Кислый А.Е. Указ. соч.

В 1997 году дискуссия о теоретических вопросах погребальной обрядности снова имела место на страницах журнала *Российская археология*. Во втором номере были помещены статьи Н.А. Рычкова⁹² и В.С. Ольховского⁹³ без какого-либо введения от редакции.

Статья⁹⁴ Н.А. Рычкова «Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий)» стала ответом на работу⁹⁵ В.С. Ольховского в рамках дискуссии 1993 года. Автор выстраивает иерархию понятий от более обобщающего к более частному: традиция – это преемственная передача опыта поколений, обычай – способ реализации традиции, а обряд – часть обычая, его формальное воплощение. Далее эту схему, по мысли Н.А. Рычкова, можно наполнить конкретным содержанием, связанным с погребальной обрядностью.

Следом помещён ответ⁹⁶ В.С. Ольховского под заголовком «Обычай и обряд как формы традиции». Автор снова, как и в предыдущих рассмотренных нами статьях, воспроизводит свои тезисы о родстве обычая и обряда, но теперь он дополнительно раскрывает своё понимание традиции. Под традицией В.С. Ольховский понимает «всю совокупность накопленной конкретным обществом информации, важной (значимой) для общества и приспособленной к передаче (трансмиссии) посредством ментальной и физической деятельности⁹⁷». Таким образом, в отличие от иерархической схемы Н.А. Рычкова автор предлагает такую модель, в которой связанные между собой обычай и обряд становятся формой традиции.

В июне 1997 года в Институте археологии РАН прошёл круглый стол «Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних

⁹² Рычков Н.А. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) //РА. – 1997. – №. 2. – С. 150-159.

⁹³ Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиции //Российская археология. – 1997. – №. 2. – С. 159-168.

⁹⁴ Рычков Н.А. Указ. соч.

⁹⁵ Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 78-93.

⁹⁶ Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиции //Российская археология. – 1997. – №. 2. – С. 159-168.

⁹⁷ Ольховский В.С, Указ. соч. – С. 166.

идеологических представлений», который был организован Отделом теории и методики ИА РАН и редколлегией журнала Российская археология. По следам круглого стола был выпущен сборник⁹⁸ и статья⁹⁹.

Данное мероприятие позиционировалось его организаторами как продолжение того исследовательского направления, которое было задано дискуссиями в журнале Российская археология, а именно – комплексного, междисциплинарного подхода к интерпретации погребальных памятников. Обращает на себя внимание название круглого стола данное в терминологии В.С. Ольховского. Тематически представленные доклады можно разделить на три группы: работы по теории, работы по реконструкции погребального обряда на конкретном материале и работы палеоантропологов.

Для нашего обора интересна статья¹⁰⁰ В.И. Гуляева и В.С. Ольховского «Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации» авторы отмечают ряд проблем и тенденций, характерных для изучения погребального обряда: отход от абсолютизации методов математической статистики, признание ограничений этого подхода, необходимость комплексной интерпретации источника с привлечением исследований в области семантики, семиотики, сравнительной культурологии, языкознания и религиоведения, отсутствие разработанного терминологического аппарата, терминологический разнобой, повышение интереса к реконструкции социальной структуры общества, оставившего памятники, выделение нового направления анализа и интерпретации – палеодемографии.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в 1990-е годы сохранялся устойчивый интерес к теоретическим проблемам погребального обряда. Для

⁹⁸ Гуляев В.И., Каменецкий И.С., Ольховский В.С. (отв. ред.). Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – 1999.

⁹⁹ Гуляев В.И., Ольховский В.С. Круглый стол «Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений» //РА. – 1999. – №. 1. – С. 246-250.

¹⁰⁰ Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации //Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – 1999. – С. 10-18.

00-х и 10-х годов XXI века мы можем отметить две параллельно протекающие тенденции: первая – это спад интереса к теоретическим проблемам погребального обряда, а вторая – бурный, скачкообразный рост практических исследований. Не смотря на малочисленность исследований, отметим некоторые из них для того, чтобы можно было судить об общих тенденциях развития историографии.

В 2005 году в Институте археологии РАН прошла Всероссийская научная конференция «Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии». В 2010 году в 224 выпуске¹⁰¹ Кратких сообщений Института археологии были опубликованы доклады прочитанные на этой конференции. Нас интересует раздел, которым открывается сборник, «Общие проблемы изучения погребального обряда», а в нём статьи Е.В. Лагуткиной¹⁰², М.Ф. Косарева¹⁰³ и В.И. Мельника¹⁰⁴.

Е.В. Лагуткина в статье¹⁰⁵ «Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования» делает историографический экскурс в историю теоретических подходов по изучению погребальных памятников и показывает результаты собственной работы по применению системного и информационного подходов. Автор пишет о перспективности применения данных методик при источниковедческом анализе погребальных памятников.

М.Ф. Косарев в статье¹⁰⁶ «Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам)» показывает, как применяется палеоэтнографический (этноархеологический) подход к

¹⁰¹ Краткие сообщения Института археологии. М.: Языки славянской культуры, 2010. – №. 224.

¹⁰² Лагуткина Е.В. Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // Краткие сообщения Института археологии. – 2010. – №. 224. – С. 19-33.

¹⁰³ Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) //КСИА. – 2010. – №. 224. – С. 33-52.

¹⁰⁴ Мельник В.И. Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным //КСИА. Выпуск 224. – 2010. – С. 52-60.

¹⁰⁵ Лагуткина Е.В, Указ. соч.

¹⁰⁶ Косарев М.Ф. Указ. соч.

изучению семантики древней погребальной обрядности и её мировоззренческих основ.

Последняя из интересующих нас работ из этого сборника – статья¹⁰⁷ В.И. Мельника «Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным». В ней автор на основе изучения самого разнообразного материала приходит к выводу о существовании в погребальной структуре «временной, пространственно-ориентационной, геометрической, нумерической и хроматической символики¹⁰⁸» и в целом как и М.Ф. Косарев автор демонстрирует возможности применения палеоэтнографического (этноархеологического) подхода.

Отметим также, что в «Кратких сообщениях Института археологии» существуют две регулярные рубрики, в которых публикуются статьи, связанные с тематикой погребального обряда. Речь идет о рубриках «Методы естественных наук в изучении археологических древностей и палеоантропологических материалов» и «Биоархеологические исследования».

Данный обзор не претендует на всеохватность и освещение абсолютно всех существующих зрения на погребальную обрядность, но его вполне достаточно для того, чтобы сделать некоторые выводы об основных тенденциях постсоветской историографии изучения погребального обряда.

Во-первых, это отказ от абсолютизации методов математической статистики при изучении погребального обряда, признание ограничений возможностей этого метода.

Во-вторых, междисциплинарный подход укореняется в качестве основного в изучении погребальной обрядности.

¹⁰⁷ Мельник В.И. Указ. соч.

¹⁰⁸ Мельник В.И. Указ. соч. – С. 59.

В-третьих, это привлечение данных целого ряда новых дисциплин: физической антропологии, палеодемографии, палеопатологии и др.

В-четвёртых, это источниковедческое изучение погребальной обрядности, поиск тех ограничений, которые несёт в себе источник.

В-пятых, это поиск и разработка методик, которые позволят корректно извлекать из источника информацию.

В-шестых, это терминологический и методологический плюрализм.

И седьмое – спад интереса к разработке теоретических подходов с начала 00-х годов XXI века.

Глава II. Мезолитические могильники и погребальные комплексы севера Восточной Европы

2.1. Общая характеристика мезолита севера Восточной Европы

В понятие «север Восточной Европы» входит южная часть Карелии, Восточное Прионежье, территория Латвии и Литвы.

С территории Карелии ледник отступил около 9200 – 9000 лет до н.э. В течение всего пребореального периода здесь в приледниковой зоне сохранялись неблагоприятные условия для жизни: сильное обводнение, холодный климат и скудная растительность. В бореальное время (7200 – 6000 лет до н.э.) несколько повышается среднегодовая температура, появляются леса с широколиственными деревьями, озера начинают заселяться холодолюбивыми породами рыб. С улучшением климата в VIII тысячелетии до н.э. сюда продвигается первое население. В климатическом отношении мезолит Карелии совпадает с бореальным и атлантическим временем¹⁰⁹. Верхняя граница для мезолита здесь – рубеж V-IV тысячелетий до н.э.

В историографии памятники Карелии данного периода делятся на две группы: раннемезолитические и позднемезолитические. Раннемезолитические стоянки обнаружены на северном побережье Онежского озера и в нижнем течении реки Кеми. Эти стоянки занимают ограниченную площадь, характеризуются слабым и прерывистым культурным слоем. Позднемезолитические памятники обнаружены на западном и северном побережье Онежского озера, на побережье оз. Сямозеро, на побережье оз. Водлозеро и на берегах реки Кеми. Позднемезолитические памятники составляют две группы: первая – местная – с кварцево-сланцевым инвентарём, вторая – пришлая – с кремнёвым. Известны могильники: Сямозеро II, Чёрная Губа, Оленеостровский могильник.

¹⁰⁹ Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука. – 1989. – С. 27.

С территории Восточного Прионежья материковые льды отступили несколько раньше, чем с территории Карелии. Условия пригодные для существования человека сложились здесь уже в пребореальное время на рубеже IX-VIII тысячелетий, но несмотря на это освоение человеком данного региона началось только в бореальное время одновременно с Карелией¹¹⁰. Верхняя граница для мезолита здесь – начало IV тысячелетия до н.э.

К территории Восточного Прионежья относится регион к востоку от Онежского озера, где располагаются водоёмы ледникового происхождения: оз. Лача, Воже, Кубенское, Белое, Андозеро. Мезолитические памятники здесь делятся на две группы: памятники типа Веретья и позднемезолитические стоянки. Памятники типа Веретья сосредоточены в бассейнах крупных озёр Восточного Прионежья. Для них характерно залегание культурного слоя под торфяными отложениями. К памятникам этого типа относится могильники Попово и Песчаница на Лаче. Для второй группы – позднемезолитических стоянок – характерно расположение на низких надпойменных террасах и неглубокое залегание культурного слоя сразу под дерном в связи с песчаными слоями. Также в этом регионе нас интересуют два неолитических памятника, содержащих мезолитические могилы – это могильники Миино I и Миино II.

С территории Латвии ледник стал отступать около 14000 лет до н.э. Заселение человеком началось в конце IX тысячелетия до н.э. Ландшафт тундры сменили березово-сосновые леса, сложилась система рек и озер, существующая и по сей день. В развитии Балтийского моря этот период совпадает с Иольдиевым морем, Анциловым озером и начальной стадией Литоринового моря. Климатически мезолит на территории Латвии соответствует пребореальному, бореальному и первой половине

¹¹⁰ Указ. соч. – С. 32.

атлантического периодов¹¹¹. Верхняя граница для мезолита здесь – начало IV тысячелетия до н.э.

Мезолитические памятники Латвии неравномерно распределены территориально и хронологически: больше всего находок было сделано в Восточной и Северной Латвии, лучше изучен средний этап мезолита региона. Весь известный здесь материал делится на три периода. Начальная стадия, относится к концу верхнего дриаса, пребореальному времени. Сюда включаются находки кремнёвых изделий в Салапсилс Лаукскола и нижний слой стоянки Звейниеки II. Средняя стадия относится к бореальному времени. Сюда включаются стоянка Звейниеки II, подъёмный материал с озёр Лубана и Большой Лудзас, на реке Двиете и отдельных местонахождений Северной Латвии. Поздняя стадия относится к первой половине атлантического периода. Сюда включаются стоянка Оса и могильник Звейниеки.

С территории Литвы ледник также начал отступать около 14000 лет до н.э. Значительную часть региона занимало послеледниковое озеро. Заселение началось около 11000 лет назад. Мезолит здесь начинается в VIII тысячелетии до н.э.¹¹². Верхняя граница для данного периода – V тысячелетие до н.э.

Для мезолитических памятников Литвы характерно расположение на первых надпойменных террасах рек и на поймах. Данный период представлен здесь неманской и кундской мезолитическими культурами. Неманская (микро-макролитическая) мезолитическая культура занимала бассейн реки Неман. Характерными признаками этой культуры являются: эписвидерские наконечники, овальные топоры, разнообразные ланцеты, трапеции и ретушированные вкладыши. В северной части Литвы получила распространение кундская культура. Для неё характерны многочисленные

¹¹¹ Загорска И., Загорскис Ф. Указ. соч. – С. 69.

¹¹² Римантене Р.К. Основные черты мезолита Литвы //Краткие сообщения Института Археологии. – 1977. – Т. 149. – С. 66.

костяные и роговые изделия, каменные представлены кремнёвыми и кварцевыми орудиями. Одним из маркеров кундской культуры являются односторонние, очень редко двусторонние наконечники дротиков с многочисленными мелкими зубцами, называемые часто гарпунами кундского типа. Мезолитические могильники здесь представлены памятниками Дуонкальнис и Спигинас.

Таким образом, были выявлены десять погребальных комплексов севера Восточной Европы, содержащих мезолитические могилы: Дуонкальнис, Спигинас, Звейниеки, Чёрная Губа, Сямозеро II, Милино I, Милино II, Попово, Песчаница и Оленеостровский могильник.

2.2. Характеристика мезолитических могильников и погребальных комплексов севера Восточной Европы

Для дальнейшей работы было взято десять мезолитических могильников и погребальных комплексов севера Восточной Европы. Каждое отдельное погребение описывалось по следующему шаблону: номер погребения, количество погребённых, пол, форма могилы, длина могилы, ширина могилы, глубина могилы, положение костяка, наличие внутримогильных сооружений, ориентировка погребённого по сторонам света, наличие охры, наличие следов огня, погребальный инвентарь, наличие костей животных, надмогильные сооружения. Иногда в виду особенностей погребения или того источника, в котором оно описано, от этого шаблона приходилось отступать, но в целом все описания по возможности приведены к этой форме.

Могильник Дуонкальнис¹¹³ находится в Литве около озера Биржулис. Открыт в 1979 г., исследования проводились с 1981 по 1983 гг. На территории поселения было обнаружено 8 погребений. В части поселения

¹¹³ Кунскас Р., Бутримас А., Чеснис Г., Бальчюнене И. Дуонкальнис поселение, жертвенное место и могильник позднего неолита // Lietuvos archeologija №4. Vilnius, 1985. – С. 63-64.

разрушенной карьером были найдены остатки еще 6 погребений. Здесь было захоронено 14 человек: семь мужчин, четыре женщины и трое детей. Контуры погребений обнаружены на глубине 10 – 43 см. в слое разнозернистого гравия. С.В. Ошибкина указывает¹¹⁴, что погребения были ориентированы на З и ЮЗ.

Погребение №1. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №2-3. Двойное захоронение мужчины и женщины. В погребении №2 был похоронен шаман. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. На голове мужчины находилось ожерелье из 25 просверленных зубов лося и кабана. Ноги тоже украшены амулетами, что по предположению исследователей является остатками костюма. Засыпка охрой присутствует. На север от груди мужчины находилось небольшое скопление камней, посыпанных красной охрой. В погребении №3 в той же могильной яме лежала женщина. Костяк лежал на спине и правом боку с согнутыми в коленях ногами. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №4. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 83 амулетов из резцов лося, косули и оленя.

Погребение №5. Двойное детское захоронение. Костяки лежали на спине в вытянутом положении. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 46 амулетов из резцов лося и ланцетовидного кремнёвого наконечника стрелы.

Погребение №6. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине и правом боку с согнутыми в коленях ногами. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

¹¹⁴ Ошибкина С. В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы //Российская археология. – 2007. – №. 1. – С. 46.

Погребение №7. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь состоит из фрагмента челюсти медведя, амулета из клыка медведя и треугольного наконечника стрелы с полностью ретушированной поверхностью.

Могильник Спигинас¹¹⁵ находится в Литве около озера Биржулис. Исследовался в 1985 – 1986 гг. Для могильника была определена датировка по погребению №4 7470 ± 60. Памятник отнесен к позднему мезолиту. Здесь было обнаружено 4 погребения: одно неолитическое и три мезолитических.

Погребение №1. Было повреждено в ходе Второй Мировой войны. Сохранились фрагменты длинных костей скелета и черепа. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь состоит из двух кремневых наконечников типа конгемозе.

Погребение №3. Было не повреждено, но сохранились лишь отдельные части скелета. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №4. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из двух кремневых лезвий с ретушью и подвески из зубов лося и бобра.

Могильник Звейниеки¹¹⁶ расположен в северной части Латвии на берегу озера Буртниеку у устья реки Руя. Памятник был открыт в 1964 г. и исследовался в 1965 – 1966, 1968 и 1970 – 1971 гг. под руководством Ф. Загорскиса. Здесь обнаружено 317 погребений разных эпох, из которых 20 отнесены к позднему мезолиту. В погребениях обнаружены 24 индивида. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине, на животе, на боку. Они были плотно завернуты или связаны и посыпаны охрой. У головы или

¹¹⁵ Butrimas A. Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania //Mesolithic Miscellany. – 1989. – Т. 10. – №. 2. – С. 10-11.

¹¹⁶ Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmets kapulauka apbedījumu tipoloģija un hronoloģija //Arheoloģija un etnografija. – 1974. – Т. 11. – С. 7-24.

около ног могилы выложены камнями. Могильные ямы глубиной 30-40 см, изредка до 1 м. Захоронения одиночные, есть двойные и одно тройное. Ориентация на СВ, С, СЗ, З. Инвентарь состоит из костяных наконечников, кинжалов, кремневых орудий, подвесок из зубов животных и человека (две находки).

Могильник Черная Губа¹¹⁷ находился на северо-восточном берегу Онежского озера. Открыт Г.А. Панкрушевым. Памятник датирован IV тыс. до н.э. Здесь было найдено 8 погребений. Костяки не сохранились. Инвентарь отсутствует. Могильные ямы овальной формы длиной 140 – 190 см, шириной 60 – 100 см и глубиной 20 см. Заполнение ям окрашено красной охрой. Ориентация ям различна. На погребении 7 лежали 11 небольших валунов, другие были перекрыты углистыми пятнами.

Могильник Сямозеро II¹¹⁸ расположен у северного берега Сямозера между Онежским и Ладожским озерами. Открыт Г.А. Панкрушевым. Здесь было обнаружено 13 погребений. Могильные ямы овальной формы. Костяки не сохранились. Предположительно были ориентированы с СЗ на ЮВ. Инвентарь в погребениях отсутствовал. В погребении №13 линза охристого песка была перекрыта выкладкой из 26 валунов. Памятник датирован второй половиной VII – VI тыс. до н.э.

Могильник Минино I¹¹⁹ расположен на возвышенном крае современной пойменной террасы реки Дмитровки, впадающей в Кубенское озеро. Здесь обнаружено 22 погребения, два из которых отнесены к мезолиту. Погребенные ориентированы на СЗ или СЗЗ. Присутствует охра в небольших количествах. Возраст¹²⁰ погребений в пределах 9435 ± 55 (AAR-5793) – 8790 ± 55 (AAR-5791) соответствует среднему мезолиту.

¹¹⁷ Ошибкина С. В. Указ. соч. – С. 45.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Суворов А.В. Способы обращения с телами умерших в погребениях каменного века на памятниках Минино I и II на Кубенском озере // Русская культура нового столетия. – Вологда, 2007. – С. 21-26.

¹²⁰ Ошибкина С. В. Указ. соч. – С. 45.

Погребение №19. Тройное захоронение. Имеет трехъярусную структуру: сверху в центре могилы располагалось парциальное захоронение индивида №1, ниже — одинаково ориентированные целые костяки индивидов №2 и №3. Останки индивида №1 были представлены черепом без нижней челюсти, позднее поврежденным перекопом. Инвентарь состоит из нашивок на одежду, сделанных из костей рыб, зубов животных, ребер птиц, осколков трубчатых костей, обломков костяного кинжала и трех выпавших вкладышей.

Погребение №22. Тройное захоронение. Здесь останки целого тела индивида №1 были окружены останками индивидов №2 и №3 разного пола, расчлененными до отдельных костей и представленными парциально. В погребение были помещены не истлевшие до костей останки индивидов №2 и №3, а расчлененные еще в то время, когда их кости были связаны мягкими тканями. В погребении были сгруппированы однотипные кости — черепа, ключицы, тазовые кости, длинные кости конечностей. Все длинные кости индивидов №2 и №3 были сориентированы по оси могилы. Большая часть длинных костей была сориентирована дистальными концами в сторону, противоположную ориентировке индивида №1. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Могильник Миино II¹²¹ расположен на возвышенном крае первой надпойменной террасы реки Дмитровки, впадающей в Кубенское озеро. Здесь было обнаружено 7 погребений, из которых одно двойное отнесено к мезолиту. Ориентация погребения на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Могильник Попово¹²²¹²³ расположен на правом берегу реки Кинешмы, примерно в 2,5 км от ее впадения в озеро Лача. Исследовался в 1979 – 1986

¹²¹ Суворов А.В. Указ. соч.

¹²² Ошибкина С. В. Мезолитические погребения восточного Прионежья // Археологические вести. – 1994. – №. 3. – С. 49-52.

¹²³ Ошибкина С. В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы // Российская археология. – 2007. – №. 1. – С. 42-44.

гг. Здесь обнаружено 10 мезолитических могил. Некоторые погребения мезолита нарушены захоронениями XI в. и хозяйственной деятельностью человека. Также здесь существовало поселение бронзового века, культурный слой которого перекрывает мезолитические могилы. Судя по положениям костяков, умершие были плотно завернуты в мягкие покровы или связаны.

Погребение №1. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на З. Могильная яма длиной 190 см, шириной 70 см и глубиной 55 см. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из топора из сланца и скелета рыбы.

Погребение №2. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на В. Могильная яма глубиной 50 см. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №3. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на В. Могильная яма глубиной 40 см. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из ожерелья из зубов собаки и топора из сланца.

Погребение №4. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на В. Могильная яма длиной 180 см, шириной 60 см и глубиной 45 см. Засыпка охрой присутствует. В погребении есть угли. Инвентарь состоит из обломка костяного орудия.

Погребение №5. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Могильная яма глубиной 35 см. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №6. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на В. Могильная яма длиной 180 см, шириной 60 см и глубиной 45 см. Засыпка охрой присутствует. В погребении есть угли. Инвентарь состоит из скелета рыбы в анатомическом порядке.

Погребение №7. Одиночное захоронение ребенка. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на СВВ. Могильная яма длиной 130 см, шириной 50 см и глубиной 75 см. Скелет засыпан белым красителем. Около могилы выкопана большая яма, заполненная костями и орудиями, над которой лежали скелеты двух собак в анатомическом порядке (молодая и взрослая особи). В погребении есть угли. Инвентарь состоит из ножа из ребра животного, орудия из отщепа и маленького сланцевого топорика.

Погребение №8. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на СВ. Могильная яма округлой формы длиной 210 см, шириной 80 см и глубиной 80 см. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 77 подвесок из подъязычных костей лося (пояса), подвески сделанной из куска кости, короткой ножевидной пластины (возможно наконечника стрелы) и топора.

Погребение №9. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на В. Могильная яма диаметром 110 см и глубиной 40 см. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из нескольких ножевидных пластин.

Погребение №10. Одиночное детское захоронение. Могильная яма длиной 40 см, шириной 50 см и глубиной 35 см. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит и подвески из кости с отверстием для подвешивания и трех просверленных подвесок из зубов лося.

Могильный комплекс в местности Песчаница¹²⁴¹²⁵ расположен в 0,8 км от восточного берега озера Лача в Архангельской области. Памятник открыт в 1986 году. Здесь было найдено погребение (объект 1) и захоронение антропологических остатков (объект 2).

¹²⁴ Ошибкина С. В. Мезолитические погребения восточного Прионежья // Археологические вести. – 1994. – №. 3. – С. 52-55.

¹²⁵ Ошибкина С. В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы // Российская археология. – 2007. – №. 1. – С. 39-42.

Объект №1. Одиночное мужское захоронение. Могильная яма конической формы глубиной 130 см. Засыпка охрой присутствует. Череп густо покрывал белый краситель. Ориентация на В или СВ. На разных уровнях ямы располагались скопления костей рыб и птиц.

Объект №2. Одиночное захоронение ног человека. Могильная яма глубиной 50-60 см. Площадка выложена белым красителем, а сверху интенсивно засыпана охрой. Кости ног возможно были связаны. Рядом были найдены отдельные кости лося, зайца, утки, глухаря. Инвентарь состоит из трех пластинок-вкладышей из серого кремня, изделия из птичьей кости с продольным распилом, крупной пластины без следов применения. Были обнаружены мелкие угли.

Оленеостровский могильник¹²⁶¹²⁷¹²⁸¹²⁹ находился на северной оконечности Южного Оленьего острова Онежского озера. Раскопки проводились в 1936 – 1938 гг. под руководством Равдоникаса.

Погребение №1. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ВЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из лощила, проколки, фрагмента костяной пластинки с орнаментом и берцовой кости животного.

Погребение №1а. Одиночное захоронение. Располагалось несколько ниже погребения №1. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагмента костяного острья, 33 резцов лося с кольцевыми нарезками на конце и 19 фрагментов таких же резцов.

Погребение №2. Двойное захоронение женщины с ребенком. Костяк женщины лежал на спине в вытянутом положении, лицом вверх. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Остатки костяка ребенка

¹²⁶ Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник//МИА. 1956 //Вып. – Т. 47. – С. 431.

¹²⁷ Равдоникас В.И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера //Гурина НН Оленеостровский могильник. М. – 1956. – №. 47.

¹²⁸ Ошибкина С. В. Указ. соч. – С. 36-38.

¹²⁹ Филатова В.Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии //Кижский вестник. – 2002. – №. 7. – С. 177-212.

лежали в области таза и между бедренными костями скелета женщины. Инвентарь состоит из клыка медведя с кольцевой зарубкой для привязывания, резца лося с кольцевой зарубкой и кремневого наконечника стрелы.

Погребение №3. Двойное захоронение женщины с ребенком. Костяк женщины лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Костяк ребенка лежал между ног женщины в вытянутом положении, на спине. Инвентарь состоит из фрагмента кости со следами обработки.

Погребение №4. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из двух клыков медведя, кремневой пластинки с ретушью, двух наконечников стрел, обломка ложила, гальки со следами употребления (затачивания предметов), 65 резцов лося с кольцевыми зарубками и 6 их фрагментов.

Погребение №5-6. Двойное захоронение. Костяки лежали на одинаковом уровне на спине, скелет №6 в вытянутом положении, скелет №5 с согнутыми в локтях руками. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №5 состоит из двух костяных проколов, 19 фаланг лося, 3 коренных зуба бобра, части копыта лося, двух коренных зубов лося, резцов лося с зарубками, двух пластинок из резцов бобра, куска красной охры, 22 пластинок из резцов бобра с зарубками для прикрепления к одежде или для связывания в общий убор, костяной проколки, двух поделок из ребра животного, кремневой пластинки с ретушью (ножа), 4 фрагментов трубчатых костей птицы. Инвентарь погребения № 6 состоит из 8 резцов лося с зарубками, фрагмента шлифованного сланцевого ножа, клыка медведя с зарубкой, крупного куса красной охры.

Погребение №7. Одиночное захоронение. Костяк лежал в вытянутом положении. Ориентация на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №8-9. Двойное захоронение мужчины и женщины. Костяки лежали на одном уровне в вытянутом положении. Ориентация на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №8 состоит из клыка медведя с отверстием, сланцевого топорика, сланцевой гальки со следами заглаженности, фрагментированного ложила, трехгранного предмета, 3 резцов лося, костей птицы. Инвентарь погребения №9 состоит из поделки из камня, 80 резцов лося, подвески из зуба мелкого животного, 5 обломков пластинок из резцов бобра, клыка медведя.

Погребение №10. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №11. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагментов костяного наконечника.

Погребение №12. Одиночное захоронение. Ориентация на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №13-14. Двойное захоронение. Ориентировка на СВ. Костяки лежали рядом на спине. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №13 состоит из пояса из ряда подвесок из резцов лося, пластинки из резцов бобра, подвески из резцов лося, подвески с нарезками на конце, подвески из ульны бобра, сланцевого отщепы, костяных подвесок с нарезками на конце, 9 обломков костяных острий, трехгранного костяного острия и отдельных костей бобра. Инвентарь погребения №14 состоит из 7 подвесок из резцов лося, костяного наконечника, птичьих костей, 3 резцов лося, 8 подвесок-резцов, 15 подвесок из резцов лося составляющие пояс.

Погребение №15. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентация на СВ. Под черепом положены камни. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 11 фрагментов пластинок из резцов бобра.

Погребение №16. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. В ногах умершего небольшой полукруг из мелких камней. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяного наконечника стрелы, 5 костяных подвесок, 23 резца лося с кольцевыми зарубками и 23 их фрагментов.

Погребение №17. Одиночное захоронение. Есть следы охры. Инвентарь состоит из 7 резцов лося, 5 фрагментов пластинок из зубов бобра.

Погребение №18. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из резной костяной скульптуры женщины.

Погребение №19. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из клыка медведя, сланцевого ножа, 12 наконечников из кости, 3 кремневых наконечников стрелы, 10 кремневых пластинок, 16 обломков костяных поделок.

Погребение №20. Одиночное захоронение. Сильно разрушенное погребение в слое красной охры. Инвентарь состоит из двух резцов лося.

Погребение №21. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из резца лося.

Погребение №22. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из кремневой пластинки (ножа).

Погребение №23. Одиночное захоронение. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из трех фрагментированных пластинок из резцов бобра, костяной статуэтки человека, 7 резцов лося, костяного скульптурного изображения змеи.

Погребение №24. Одиночное захоронение. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяной пластинки, клыка медведя с просверленным отверстием, кремневого ножичка, ножевидной кремневой пластинки, пластинки из резцов бобра.

Погребение №25. Одиночное захоронение. Верхняя часть костяка лежала на спине, а ноги опущены в яму. Ориентировка на ЮВ. Под костями туловища обнаружено несколько камней. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из челюсти собаки, фрагментов костяного наконечника, обломков наконечников из кости, пластинки из резца бобра, кремневой микролитовидной пластинки, 26 резцов лося, клыка медведя, 39 пластинок из резцов бобра, зубов лося.

Погребение №26-27-28. Тройное мужское захоронение. Костяки лежали на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. В области ног погребения №27 прослеживалось небольшое сооружение в форме круга, выложенное из камней, внутри которого была насыпана охра. Сверху сооружение покрыто круглой плитой. Инвентарь погребения №26 состоит из костяного наконечника, двух фрагментов наконечников, 10 обломков костяных поделок. Инвентарь погребения №27 отсутствует. Инвентарь погребения №28 состоит из 4 резцов лося.

Погребение №29. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 5 резцов лося, 2 фрагментов трубчатых костей животного.

Погребение №30. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Над черепом обнаружен крупный валун. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 подвесок из клыка медведя, сланцевого ножа, 2 обломков костяных наконечников, ульны бобра, подвески в виде костяной пластинки из двух фрагментов.

Погребение №31. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 клыков медведя с отверстиями, костяного наконечника, плоской гальки.

Погребение №32. Одиночное захоронение. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из кремневого наконечника.

Погребение №33. Одиночное захоронение. Костяк лежал в скорченном положении на правом боку с согнутыми в локтях руками, направленными к подбородку. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №34. Одиночное захоронение. Костяк лежал на правом боку, ноги прижаты друг к другу, как будто бы они были связаны. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №35. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 5 пластинок из резцов бобра, куска сланца со следами затачивания на нем предметов.

Погребение №36. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из сланцевого ножа, 2 клыков медведя с отверстием, костяного орудия с желобком, костяных наконечников, клыка медведя, 27 пластинок из резцов бобра и 35 их обломков.

Погребение №37. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №38. Одиночное захоронение. Ориентировка на В. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №39. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 4 трубчатых костей животного, костяной поделки, костяного наконечника, 4 резцов лося, 6 костяных наконечников стрел, 2 кремневых наконечников стрел, 13 пластинок из резцов бобра.

Погребение №40-41. Двойное захоронение. Костяк из погребения №40 лежал в вытянутом положении. Костяк из погребения № 41 лежал в скорченном положении, ноги согнуты в коленях, руки направлены к подбородку. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №42. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяного наконечника, кремневого отщеп.

Погребение №43. Одиночное захоронение. Костяк лежал на правом боку, руки вытянуты вдоль туловища, ноги от колен согнуты под углом и направлены назад. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №44. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь состоит из трехгранного обломка песчаника с орнаментом на всех трех гранях в виде елки.

Погребение №45. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. На груди, коленях и у левого плеча лежали камни средней величины. Инвентарь состоит из 29 пластинок из резца бобра, фаланги животного, подвески из резца лося, 30 костяных и 23 кремневых наконечников стрел, 10 кремневых пластинок-вкладышей, отщепы, двух длинных костяных наконечников, ложила, 3 резцов лося, 2 сланцевых ножей, 3 клыков медведя, 19 подвесок из резцов лося, резца бобра, длинной трубчатой кости, кусков охры, 8 подвесок из подъязычных костей животного.

Погребение №46-47. Двойное захоронение. Могильная яма корытообразной формы. Костяки лежали в общей могильной яме параллельно друг другу в вытянутом положении на спине. Ориентировка на ЮВ. Пол погребения №46 – мужской. Засыпка охрой присутствует. Сверху погребение было завалено камнями. Инвентарь погребения №46 состоит из 14 медвежьих клыков, 2 костяных наконечников стрел, 18 пластинок из резцов бобра, 22 резцов лося, медвежьего клыка с нарезкой на эмали, кости животного. Инвентарь погребения № 47 состоит из сланцевого ножа, клыка медведя, 11 кремневых наконечников стрел, 21 подвески из резцов лося, 23 пластинок из резцов бобра, 4 подвесок из подъязычных костей, 18 кремневых пластинок. 8 костяных наконечников.

Погребение №48. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из кремневого отщепы, 2 костяных поделок, 10 пластинок из резцов бобра.

Погребение №49. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 костяных наконечников.

Погребение №50-51. Двойное захоронение. Костяк №50 лежал на спине в вытянутом положении. Под черепом находился квадратный камень. Засыпка охрой присутствует. Весь скелет заложен сверху камнями средней величины, плотно прилегающими друг к другу. Пол погребения №50 – женский. Костяк № 51 лежал на спине в вытянутом положении. Голова покойного, по-видимому, была обложена камнями. Засыпка охрой отсутствует. Оба погребения ориентированы на В. Инвентарь погребения №50 состоит из сланцевой плитки, костяного наконечника, 48 подвесок из резцов лося. Инвентарь погребения №51 состоит из костяного наконечника.

Погребение №52. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №53. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из резца лося.

Погребение №54. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяного наконечника.

Погребение №55-56-57. Тройное захоронение. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Костяки залегали в общей могильной яме, в одной плоскости, на одинаковой глубине, в непосредственном контакте друг с другом, под общей каменной кладкой. Костяк №55 лежал на правом боку, руки согнуты в локтях, кисти в области таза. Костяк №56 лежал на спине, руки согнуты в локтях, кисти – в области таза. Костяк №57 лежал на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти – в области таза. Пол погребения №55 – женский, №56 – мужской, №57 – женский. Инвентарь погребения №55 состоит из 18 пластинок из резцов бобра, костяной поделки с зарубкой, фрагмента костяной поделки, костяного наконечника, резца лося, 13 тонких

трубчатых костей птицы. Инвентарь погребения №56 состоит из рукояти от рога (северного оленя), конец которой обработан в форме головы лося, сланцевого ножа, гальки, 2 клыков медведя, 72 резцов лося, 5 пластинок из резцов бобра, костяной поделки, 3 костей волка, костей птицы и зубов северного оленя. Инвентарь погребения №57 состоит из 14 резцов лося, коренного зуба медведя, 7 пластинок из резцов бобра, резного костяного изображения змеи, кости животного, 93 резцов лося, составлявших, по-видимому, украшение обуви.

Погребение №58. Одиночное мужское захоронение. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 45 резцов лося (по-видимому нашитых на одежду), 2 пластинок из резцов бобра, 55 резцов лося, костяного кинжаловидного орудия, костяной зубчатой поделки, кости птицы или мелкого животного.

Погребение №59. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из сланцевого ножа, пластинки из резца бобра, фрагмента наконечника из кремня, клыка собаки, 113 подвесок из резцов лося (части ожерелья и нашивок на одежду).

Погребение №60. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяного кинжаловидного орудия.

Погребение №61. Одиночное захоронение. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь состоит из резцов лося (возможно бахрома чехла), сланцевого ножа, 2 костяных пластинок-подвесок, костяного наконечника, круглой костяной поделки с отверстием, костяной пластинки с отверстием, тонких костяных пластинок, 2 клыков медведя, костяной поделки, резцов лося, длинного костяного наконечника, длинного костяного

кинжала с ручкой в виде головы лося, длинного костяного стержня с выемкой, костей птицы, зубов и челюсти северного оленя.

Погребение №62. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Верхняя часть скелета покрыта камнями. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из пластинки из роговика.

Погребение №63. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №64. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из кремневого наконечника, 20 пластинок из резцов бобра, фигурки лося из рога, 2 костяных наконечников, сланцевой шлифовальной плитки, 6 клыков медведя, кварцитовой подвески, 100 резцов лося (нашивок на пояс), трубчатой кости мелкого животного, коренного зуба лося, коренных зубов бобра, трубчатых костей северного оленя и птицы.

Погребение №65-66. Двойное захоронение. Оба скелета лежали в одной могильной яме, на одинаковой глубине, параллельно друг другу. Костяк №65 лежал на правом боку, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Ноги вытянуты. Костяк №66 лежал на правом боку, ноги согнуты в коленях. Ориентировка на СВ. Пол погребения №65 – мужской, № 66 – женское. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения № 65 состоит из 62 резцов лося (частей ожерелья или головного убора), мелких костей птицы. Инвентарь погребения №66 состоит из 4 пластинок из резцов бобра, клыка медведя, костей птицы.

Погребение №67. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине. Ориентировка на В. Могильная яма корытообразной формы. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из сланцевого ножа, клыка медведя,

трубчатых костей птицы (две с нарезками), 33 резца лося, черепа лося и нескольких костей животных.

Погребение №68. Одиночное женское захоронение. Вертикальное захоронение. Костяк обложен со всех сторон крупными камнями. Ориентировка на З. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 12 костяных поделок, 8 наконечников стрел из костей и рога, скульптуры в виде головы лося, длинного сланцевого орудия, 16 костяных поделок с зарубками на конце, клыка и 3 зубов бурого медведя, 87 пластинок из резцов бобра, 135 резцов лося.

Погребение №69. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 4 частей костяных рыболовных частей, поделки из костей птицы с нарезками (игольника), сланцевого ножа, 7 орудий из грифельных костей лося, костяного наконечника, 25 пластинок из резцов бобра, 4 костяных подвесок, 188 резцов лося (части одежды), птичьих костей.

Погребение №70. Одиночное захоронение. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из кремневого наконечника стрелы, фрагмента резной поделки с отверстиями (из трубчатой кости), 66 резцов лося, 3 пластинки из резцов бобра, фрагментированного клыка медведя.

Погребение №71. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь состоит из фрагмента костяного вкладышевого наконечника.

Погребение №72. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из пластинки из резца бобра.

Погребение №73. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 3 наконечников из кремня, длинного кремневого ножа, сланцевого ножа, 3 наконечников гарпуна, 18 костяных наконечников, 3 кремневых вкладышей, 3 клыков медведя.

Погребение №74. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из кремневого ножа, 15 резцов лося (ожерелья), кремневого отщепы, мелких костей птицы и зубов волка.

Погребение №75. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Сверху костяк был заложён камнями крупной величины. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №76. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Погребение сверху было заложено камнями. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 125 резцов лося (частей одежды), 3 клыков медведя, 3 сланцевых ножей, сланцевого долота, 9 пластинок из резцов бобра, обломка костяной поделки.

Погребение №76а. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 140 резцов лося (частей одежды), 25 пластинок из резцов бобра, костяной проколки, подвески из кости, сланцевого ножа, 3 кремневых наконечников.

Погребение №77. Одиночное захоронение. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №78. Одиночное женское захоронение. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагмента бобровой пластинки, 3 обломков поделок из кости.

Погребение №79. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №80-81. Двойное захоронение. Костяки лежали параллельно, в одной могильной яме, на одинаковой глубине. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Костяк №80 лежал в вытянутом положении. Костяк №81 лежал на спине в вытянутом положении. Погребение №80 – детское, №81 – мужское. Инвентарь погребения №80 состоит из костяной проколки и резца лося. Инвентарь погребения № 81 состоит из отщепа кремнистого сланца, головки лося из кости, 17 костяных наконечников, проколки, 106 резцов лося, 54 пластинки из резцов бобра, тонкой песчаниковой плиты, 2 головок лося из кости.

Погребение №82. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяного лоцила, фрагмента сланцевого орудия с полукруглым сечением, четырех сланцевых ножей, сланцевого топорика, резной головки лося из кости, желобчатой костяной поделки, 14 пластинок из резцов бобра, зубов северного оленя, костей птицы.

Погребение №83. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №84-85. Двойное захоронение. Костяки лежали в одной могильной яме, на одинаковой глубине. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Костяк №85 лежал на спине в вытянутом положении. Погребение №84 – детское, №85 – мужское. Инвентарь погребения № 84 отсутствует. Инвентарь погребения №85 состоит из остатков четырех сланцевых ножей, фрагмента костяного наконечника, 6 клыков медведя, круглой костяной поделки с отверстием посередине, 10 кремневых

наконечников, резцов лося (частей украшения рукава), трубчатой кости птицы, 3 кремневых вкладышей, пластинок из резцов бобра, 5 поделок из кости, кремневого отщепа, 3 составных частей рыболовных крючков, сланцевой поделки в виде плоской плиточки с оббитыми краями, отщепа кремнистого сланца.

Погребение №86-87. Двойное захоронение. Оба костяка лежали в общей могильной яме. Костяк №87 лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка костяка №86 – на В, №87 – на СВ. Погребение №86 – женское, №87 – женское. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №86 состоит из 40 резцов лося (нашивки на одежду), 3 резцов лося, 7 пластинок из резцов бобра, кремневого отщепа, костяной подвески из челюсти оленя или молодого лося, костяной поделки, пластинки кремнистого сланца. Инвентарь погребения №87 состоит из 6 пластинок из резцов бобра, трубчатых костей птицы или животного.

Погребение №88. Одинокое мужское захоронение. Костяк лежал в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №89. Одинокое мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮЗ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №90. Одинокое мужское захоронение. Могильная яма корытообразной формы. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из наконечников стрел с вкладышами.

Погребение №91. Одинокое женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №92. Одиночное детское захоронение. Костяк лежал на спине. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 22 резцов лося и трубчатой кости птицы.

Погребение №93-94. Двойное захоронение. Оба костяка лежали в общей могильной яме корытообразной формы, на одинаковой глубине. Костяк №93 лежал на правом боку в вытянутом положении, №94 лежал на левом боку в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Оба погребения женские. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №93 состоит из лопила, кремневого ножа. Инвентарь погребения № 94 отсутствует.

Погребение №95. Одиночное женское захоронение. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь состоит из 4 клыков медведя, 3 сланцевых ножей, 12 пластинок из резцов бобра, 67 резцов лося (части украшения одежды), сланцевой пластинки.

Погребение №96. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 83 резцов лося.

Погребение №97. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из кремневого наконечника, 135 резцов лося (нашивок на одежду), 36 пластинок из резцов бобра, 3 коренных зуба лося, челюсти животного.

Погребение №98-99. Двойное захоронение. Костяки залегали в разных могильных ямах. Засыпка охрой присутствует. Оба погребения мужские. Костяк №98 лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Костяк №99 лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Инвентарь погребения №98 состоит из обломка костяной поделки. Инвентарь погребения № 99 состоит из фрагмента костного наконечника стрелы, 5 костяных наконечников стрел, резца лося, мелких трубчатых костей птицы.

Погребение №100. Одиночное мужское захоронение. Костяк стоял на ногах, в наклонном положении, будучи прислоненным к северо-восточной стене. Положение костяка фронтальное. Ориентировка на ЮЗ. С обоих боков и в особенности спереди он был обложен камнями. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 кремневых ножей, 31 пластинки из резцов бобра (остатки головного убора или ожерелья), 4 резцов лося, 4 кремневых пластинок, кремневого наконечника, 15 кремневых наконечников стрел, 9 костяных наконечников стрел, кинжал из рога со вкладышами, 2 сланцевых ножа, 2 клыков медведя, 40 резцов лося, 2 фрагментов костяного гарпуна, костяной зубчатой пластинки, 6 ветвей нижней челюсти бобра, костяного гарпуна, кремневого отщепа, подвесок из резцов лося, пластинок из резцов бобра (частей одежды), 4 позвонка животного.

Погребение №101. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 27 резцов лося.

Погребение №102. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из обломков костяной поделки с зигзагообразным орнаментом, костяной пластинки с отверстием, подъязычной кости млекопитающего, кремневого ножа, 10 костяных пластинок с отверстиями, клыка медведя, костяной поделки - части рыболовного крючка, 120 резцов лося.

Погребение №103-104-105. Тройное детское захоронение. Все три скелета лежали в одной могильной яме, параллельно друг другу. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Костяк №103 лежал на спине в вытянутом положении. Костяк №104 лежал на спине в вытянутом положении. Костяк №105 лежал на спине, руки согнуты в локтях и соединены на груди. Инвентарь погребения № 103 состоит из клыка медведя, сланцевого ножа, 7 пластинок из резцов бобра (частей головного убора), 9

пластинок из резцов бобра, фрагмента челюсти бобра с резцом. Инвентарь погребения №104 состоит из 2 костяных наконечников. Инвентарь погребения № 105 состоит из 11 пластинок из резцов бобра.

Погребение №106. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из обломка костяной пластинки, 26 резцов лося, 2 пластинок из резцов бобра.

Погребение №107. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из сланцевого ножа, клыка медведя, трехгранной в сечении пластинки из кремнистого сланца, костяного наконечника, костяной поделки, 2 пластинок из резцов бобра, 274 резцов лося, 61 пластинок из резцов бобра, одна из которых с отверстием, зуба и обломка зуба северного оленя.

Погребение №108-109. Двойное захоронение. Костяки залегали на одинаковой глубине. Ориентировка на СВ. Костяк №108 лежал на спине в вытянутом положении. Погребение №108 – мужское, №109 – детское. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №108 состоит из 3 кремневых наконечников, кремневого ножа, 2 костяных наконечников, костяной подвески, 3 сланцевых ножей, части костяного рыболовного крючка, 4 медвежьих клыков, 14 пластинок из резцов бобра, 16 резцов лося, зуба мелкого животного, фрагментов костей животного. Инвентарь погребения №109 состоит из 15 пластинок из резцов бобра, 4 галек с просверленными отверстиями, 2 резцов лося.

Погребение №110-111. Двойное захоронение. Костяки лежали в общей могильной яме. Ориентация на В. Костяк №110 лежал на спине в вытянутом положении. Костяк №111 лежал на спине в вытянутом положении. Засыпка охрой присутствует. Погребение №110 – женское, №111 – женское.

Инвентарь погребения №110 состоит из 3 пластинок из резцов бобра, треугольной гальки. Инвентарь погребения №111 состоит из 3 клыков медведя, пластинок из резцов бобра, 44 резцов лося, круглой гальки, коренного зуба волка, костей птицы.

Погребение №112. Одиночное захоронение. Могильная яма корытообразной формы. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №113. Одиночное мужское захоронение. Могильная яма имела овальную форму и корытообразное дно. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 25 подвесок из трубчатой кости с зарубками, 6 кремневых наконечников, ножевидной пластинки, 5 клыков медведя, 2 сланцевых ножей, 5 костяных поделок из трубчатых костей, костяного стержня с отверстием, 46 резцов лося, 4 пластинок из резцов бобра.

Погребение №114. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Могильная яма овальной формы с корытообразным дном. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из обломка костяного наконечника, клыка медведя, кремневого скребка в дугообразной рукоятке из рога, кремня-резца, фрагмента костяного предмета с зигзагообразным орнаментом, кремневого ножа, группы пластинок из резцов бобра, 2 сланцевых ножей, 2 клыков медведя, резцов лося, фрагмента черепа бобра, костяного кинжала.

Погребение №115. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Могильная яма с корытообразным дном на глубине 0,5 м от поверхности была обложена кольцом крупных камней. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из остатков головного убора из пластинок из резцов бобра, ножевидной пластинки из роговика, костяной пластинки с двумя отверстиями, костяного

наконечника с кремневыми вкладышами, костяного наконечника с зубцами, группы наконечников, лежавшей, по-видимому, в колчане, 2 клыков медведя, мелких резцов лося, резцов лося (обычной величины), пластинок из резцов бобра, зубов волка.

Погребение №116. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Могильная яма вытянутой овальной формы. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из клыка медведя с остатками челюсти, фрагмента костяной поделки, костяной проколки, резца лося, челюсти бурого медведя, коренного зуба волка, челюсти бобра, фрагментов костей птицы, фрагментов костей бобра.

Погребение №117-118. Двойное захоронение. Оба костяка лежали в общей могильной яме, но были разновременными. Ориентировка на В. Погребение 118 – более позднее. Костяк №118 лежал на спине в вытянутом положении. Могильная яма овальной формы. Погребение №117 – мужское, №118 – женское. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №117 состоит из кремневого отщепка, грузила, 8 резцов лося. Инвентарь погребения №118 состоит из 2 кремневых отщепов, костей мелкого животного, чешуйки кремня, кварцевого наконечника стрелы, крупного отщепка сланца, скребка, 18 резцов лося, 3 пластинок из резцов бобра.

Погребение №118а. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 4 клыков медведя, фрагмента сланцевого ножа, 9 костяных наконечников стрел, гарпуна, 8 кварцевых наконечников стрел, кремневого наконечника стрелы, сланцевого ножа, наконечника из роговика, 2 костяных наконечников, фрагмента кости (расслоившегося), кремневого отщепка, кремневого отщепка типа резца, 30 резцов лося, 40 пластинок из резцов лося.

Погребение №119. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 5 сланцевых ножей, 4 клыков медведя, 2 кремневых отщепов, 13 резцов лося, 8 пластинок из резцов бобра, коренного зуба лося, мелких обломков трубчатой кости птицы.

Погребение №120. Одиночное мужское захоронение. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 5 сланцевых ножей, 4 клыков медведя, отщепа кремня с резцовым сколом, кремневого наконечника, кварцевого отщепа.

Погребение №121-122. Двойное детское захоронение. Костяки лежали в общей могильной яме, на одинаковой глубине, на спине в вытянутом положении. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №121 состоит из 6 неоконченных обработкой костяных наконечников, костяного наконечника, 5 пластинок из резцов бобра. Инвентарь погребения №122 состоит из пластинки из резца бобра.

Погребение №122а. Одиночное детское захоронение. Ориентировка на ЗВ. Могильное пятно неправильной овальной формы. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагмента костяной пластинки.

Погребение №123. Одиночное женское захоронение. Вертикальное захоронение. Ориентировка на В. Костяк был поставлен в наклонном положении под углом 50-55° в яму округлых очертаний, с конусообразными стенками (суживающимися ко дну). В верхней части могильного пятна прослеживались достаточно крупные камни. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 4 клыков медведя, 10 резцов лося, 36 пластинок из резцов бобра.

Погребение №124. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой

присутствует. Инвентарь состоит из 2 пластинок из резцов бобра, 2 резцов лося.

Погребение №125. Одиночное мужское захоронение. Вертикальное захоронение. Ориентировка на ЮЗ. Костяк находился в наклонном положении, под углом 45°, и был со всех сторон обложен камнями. Могильная яма овальной формы, стенки со всех сторон были обложены камнями. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагмента челюсти бобра, поделки из окостенелого хряща, 83 резцов лося, фаланги медведя с кольцевой нарезкой, костей птицы и бобра.

Погребение №126. Одиночное женское захоронение. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №127. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагмента костяной поделки, кости животного, 90 резцов лося (украшения одежды), 3 пластинок из резцов бобра, костей животного, зуба бобра.

Погребение №128. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №129. Одиночное захоронение. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 9 резцов лося, 2 пластинок из резцов бобра, фрагмента костяной поделки, 3 фрагментов костяных подвесок, зуба человека.

Погребение №130. Одиночное мужское захоронение. Ориентировка на ЮВ. Могильная яма корытообразной формы. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из статуэтки, изображающей человеческую фигурку, вырезанной из рога, фрагмента костяной поделки, куса песчаника, пластинки из резца бобра, резца лося, кости птицы.

Погребение №131. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал в вытянутом положении. Ориентировка на В. Могильная яма неправильно овальной формы, с корытообразным дном. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагмента куска песчаника со следами использования его для заточки игл.

Погребение №132. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из фрагментов расколотых костей медведя, поделки из трубчатой кости, 20 резцов лося, костей волка.

Погребение №133. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 наконечников из кремня, клыка медведя, 15 подвесок из резцов лося, 27 фрагментов костяных пластинок с насечками по краю и мелкими круглыми ямочками (украшение), 2 коренных зуба северного оленя.

Погребение №134. Одиночное детское захоронение. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 клыков медведя, 5 фрагментов костяной поделки, 39 резцов лося, пластинки из резцов бобра.

Погребение №135. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 клыков медведя, сланцевого ножа, фрагмента костяной поделки, фрагмента костяной проколки, ложила, костяного наконечника, сланцевого отщепы, группы костяных наконечников.

Погребение №136. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Костяк возможно был обвязан берестой или кожей. Ориентировка на СВ. Могильная яма узкая с корытообразным дном. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из заготовки под орудие

типа топорика, обломка круглого в сечении костяного наконечника, 3 пластинок из резцов бобра.

Погребение №137. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 фрагментов поделок из кости, 2 целых поделок из кости, кремневого ножа, 2 резцов лося.

Погребение №138. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из сланцевого ножа, 2 клыков медведя, фрагмента костяной поделки, 3 резцов лося, 12 пластинок из резцов бобра, мелких трубчатых костей птицы, коренных зубов северного оленя.

Погребение №139-140-141. Тройное захоронение. Костяк №139 лежал на спине в вытянутом положении. Костяк №140 лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Погребение №139 – мужское, №140 – мужское, №141 – женское. Погребение №141 более раннее. Могильная яма овальной формы. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №139 состоит из резца лося, обломка костяного наконечника. Инвентарь погребения №140 состоит из костяного кинжаловидного орудия, 2 резцов лося, костяного наконечника. Инвентарь погребения №141 состоит из 9 пластинок из резцов бобра, костяного наконечника.

Погребение №142. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяной проколки, фрагмента костяного наконечника.

Погребение №143. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №144. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 3 просверленных галек, костяной поделки, 4 резцов лося, пластинки из резца бобра, костяной подвески, клыка волка, зуба волка, кости птицы.

Погребение №145. Одиночное мужское захоронение. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 2 пластинок из резца бобра, костяного наконечника, фрагментов костяных наконечников, обломка кремневого наконечника, костяной проколки, шлифовальной плитки из песчаника, рога животного.

Погребение №146. Одиночное женское захоронение. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 7 пластинок из резцов бобра, 7 подвесок из кости, сланцевой гальки со следами зашлифовки, костей птицы.

Погребение №147. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 54 резцов лося, костяного наконечника.

Погребение №148. Одиночное мужское захоронение. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №149. Одиночное женское захоронение. Ориентировка на ЮЮВ. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №150. Одиночное женское захоронение. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяного острья, 6 пластинок из резцов бобра.

Погребение №151. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 8 резцов лося, 3 клыков медведя.

Погребение №152-153. Двойное захоронение. Костяки лежали в общей могильной яме, параллельно друг другу. Костяк №152 лежал на спине в вытянутом положении. Костяк №153 лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой отсутствует. Погребение №152 – женское, №153 – мужское. Инвентарь погребения №152 состоит из костяной проколки. Инвентарь погребения №153 состоит из резца лося, 2 костяных наконечников, скульптурной поделки из рога с головой лося на конце, пластинки из резцов бобра, 5 коренных зубов лося.

Погребение №154-155. Двойное детское захоронение. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №156. Одиночное женское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 46 резцов лося, 4 клыков медведя, 3 пластинок из резцов бобра, 2 фрагментов костяной пластинки, плоской крупной плиты, слегка обработанной по краям, кремневого ножа, сланцевой гальки с выемкой, костяной проколки, 2 фаланг животного.

Погребение №157. Одиночное женское захоронение. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из 24 пластинок из резцов бобра, 3 клыков медведя, обломков костяных острий, обломка кремневой пластинки, 2 сланцевых ножей, обломка рога, кости мелкого животного, зуба животного, 151 резца лося, обломка трубчатой кости мелкого животного, скопления костей грызуна, коренных зубов лося.

Погребение №158. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из костяного острия, костяного наконечника.

Погребение №159. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №160. Одиночное мужское захоронение. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №161-162. Двойное захоронение. Костяки лежали в общей могильной яме, на одинаковой глубине. Костяк №161 лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на СВ. Погребение №161 – женское, №162 – детское. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь погребения №161 состоит из 2 сланцевых ножей, 2 клыков медведя, сланцевой пластинки, 14 резцов лося, 2 пластинок из резцов бобра, фрагмента костяной поделки, 3 костей грызуна. Инвентарь погребения №162 отсутствует.

Погребение №163. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №164. Одиночное мужское захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на ЮВ. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №165. Одиночное захоронение. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №166. Одиночное захоронение. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №167. Одиночное захоронение. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №168. Одиночное захоронение. Засыпка охрой присутствует. Инвентарь состоит из обломка костяной поделки, точильного бруска.

Погребение №169. Одиночное захоронение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка на В. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь отсутствует.

Погребение №170. Одиночное захоронение. Ориентировка на В. Засыпка охрой отсутствует. Инвентарь состоит из костяного наконечника.

Таким образом, для дальнейшей работы нами было взято 240 погребений из 10 памятников. В следующей главе мы обратимся к характеристике погребального обряда.

Глава III. Характеристика погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы

В ходе работы с публикациями материалов полевых исследований обозначились специфические особенности источниковой базы. Многие погребения дошли до нас в плохом состоянии, их возможно описать только по малому количеству признаков. Попадаются и в силу тех или иных причин большей частью разрушенные могилы. Свой отпечаток накладывают и различные подходы к описанию погребений и публикации материалов. Исследователи с разной степенью подробности подходят к описанию памятников. Сама методика раскопок может создавать ограничения для последующей работы: например, в материалах по Оленеостровскому могильнику указана глубина погребений не от поверхности, а от пикета, размеры могильных ям не приводятся, лишь в редких случаях указана длина скелета, в то же время в материалах других памятников эти параметры чаще всего указаны.

Для дальнейшей характеристики нами было решено применить методы первичной описательной статистики – расчёт мер центральной тенденции, мер изменчивости и расчёт процентного соотношения. С их помощью можно выразить имеющиеся данные о погребениях в конкретных сравнимых величинах и попытаться установить статистически связь между ними.

В начале нам нужно было выбрать набор параметров для описания погребального обряда из тех, что представлены в историографии. Как отмечает Е.В. Лагуткина, исследователь методов изучения погребального обряда, «выбор теоретического подхода обычно зависит от характера и размера выборки, а также историографической традиции изучения погребального обряда населения конкретной культуры, эпохи и региона¹³⁰». Соответственно все методики, разработанные на различном средневековом

¹³⁰ Лагуткина Е.В. Указ. соч. – С. 20.

материале, в данном случае не подходили, как и те подходы, в которых делался упор на керамические изделия.

Нами был взят за основу набор параметров, выделенный¹³¹ В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым. Это набор состоит из следующих пунктов: форма могильной ямы, её длина, ширина, глубина, способ захоронения, одежда, украшения, ориентировка по сторонам света, поза, количество захоронений в одной яме, сопроводительный инвентарь: сосуды, орудия и оружие; кости животных, следы огня, охра, надмогильные сооружения (вид, форма, размеры), количество захоронений под одной насыпью, остатки тризны.

Затем этот набор был нами несколько видоизменён. Параметры одежда, украшения, орудия и оружие были объединены в инвентарь. Надмогильные сооружения нами будут взяты без подробного описания вида, формы и размеров. Параметры сосуды, количество захоронений под одной насыпью и остатки тризны нами были убраны из набора. Далее к уже имеющимся признакам, исходя из особенностей источниковой базы, были добавлены следующие: внутримогильные сооружения, наличие погребённого, пол.

Таким образом взятый нами набор параметров приобрёл следующий вид: надмогильные сооружения, форма могильной ямы, её длина, ширина, глубина, внутримогильные сооружения, наличие погребённого, количество захоронений в одной яме, способ захоронения, пол, поза погребённого, ориентировка по сторонам света, охра, следы огня, инвентарь, кости животных – всего 16 параметров.

Для характеристики нами были взяты 238 погребений из десяти памятников. Из 240 могил, описанных в предыдущей главе, в выборку не попали 2 захоронения Оленеостровского могильника, в которых в одной могильной яме погребены женщины с детьми. Эти захоронения нетипичны

¹³¹ Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Указ. соч. – С. 44.

по сравнению со всеми остальными и очень трудно классифицируемы, поэтому нами было принято решение не включать их в выборку. Все процентные показатели округлялись до целых значений для удобства представления результатов.

Погребения были разделены на три категории: взрослые, детские и погребения без возрастных характеристик. Соответственно взрослых погребений насчитывается – 119, детских – 17, без возрастных характеристик – 102. В процентном соотношении это распределение выглядит следующим образом: 50% от общего числа – взрослые, 7% - детские, 43% - без возрастных характеристик (таб. 1).

Таблица 1

Распределение погребений по возрасту погребённых

Возраст	Количество погребённых	
	Количество	%
Взрослые	119	50
Дети	17	7
Без возрастных характеристик	102	43
Итого	238	100

Далее мы переходим к характеристике погребального обряда по выделенным выше признакам.

Надмогильные сооружения. Присутствуют в 9 взрослых погребениях и в двух погребениях без возраста. Для детских захоронений надмогильные сооружения не зафиксированы. В процентном соотношении это распределение выглядит следующим образом: 8% взрослых и 2% погребений без возраста имеют надмогильные сооружения, для детских захоронений этот признак не характерен (таб. 2).

Распределение погребений по наличию надмогильных сооружений

Возраст	Наличие	
	Количество	%
Взрослые	9	8
Дети	0	0
Без возрастных характеристик	2	2

Форма могильной ямы. Среди взрослых погребений чаще всего встречается овальная форма могилы – 10 захоронений (8%), корытообразная форма – 8 захоронений (7%), округлая – 2 захоронения (2%), коническая – 1 захоронение (1%). Среди детских погребений встречается только овальная форма могилы – 1 захоронение (6%). Среди захоронений без возраста чаще всего встречается овальная форма могилы – 22 захоронения (22%), корытообразная форма встречается в 2 захоронениях (2%) (таб. 3).

Распределение погребений по форме могилы

Форма могилы	Возраст					
	Взрослые		Дети		Без возраста	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Овальная	10	8	1	6	22	22
Корытообразная	8	7	0	0	2	2
Округлая	2	2	0	0	0	0
Конусообразная	1	1	0	0	0	0

Длина могильной ямы. Для характеристики длины, ширины и глубины могильных ям был проведён расчёт мер центральной тенденции и

мер изменчивости. На могильнике Чёрная Губа по имеющимся в нашем распоряжении публикациям материалов полевых работ в 8 погребениях длина могил варьирует от 1,4 м до 1,9 м. Среднее округлённое значение составило 1,7 м для 8 погребений этого памятника. Стандартное отклонение оказалось существенным только для длин детских могильных ям. Возможная причина такого результата – малое количество позиций в выборке или же детские могильные ямы, по всей видимости, вырывались не по стандартной или близкой к ней длине, а под конкретного погребённого. (таб. 4).

Таблица 4

Распределение длин могильных ям в метрах

Статистики	Возраст		
	Взрослые	Дети	Без возраста
Среднее	1,9	0,85	1,7
Стд. отклонение	0,1	0,6	0
Минимум	1,8	0,4	1,7
Максимум	2,1	1,3	1,7

Ширина могильной ямы. Для могильника Чёрная Губа ширина 8 мезолитических могил была указана как 0,6-1 м. Среднее округлённое значение составило 0,8 м для этих 8 погребений. Стандартное отклонение оказалось существенным только для ширин взрослых могильных ям. Возможная причина такого результата – малое количество позиций в выборке или же взрослые могильные ямы, по всей видимости, вырывались не по стандартной или близкой к ней ширине, а под конкретного погребённого. В данном случае мы можем сравнить стандартное отклонение взрослых погребений и погребений без возраста. Для вторых отклонений не наблюдается, поэтому примем версию о свойствах выборки. (таб. 5).

Распределение ширин могильных ям в метрах

Статистики	Возраст		
	Взрослые	Дети	Без возраста
Среднее	0,7	0,5	0,8
Стд. отклонение	0,9574	0	0
Минимум	0,6	0,5	0,8
Максимум	0,8	0,5	0,8

Глубина могильной ямы. Глубина могильной ямы для объекта №2 в могильнике Песчаница указана как 0,5-0,6. Средне значение составило 0,55. Для могильника Звейниеки указано, что в 20 мезолитических захоронениях могильные ямы глубиной 30-40 см, изредка до 1 м. Соответственно среднее значение для 19 могил составило 0,35, а для одной было взято значение – 1. Стандартное отклонение в данном случае оказалось достаточно небольшим. (таб. 6).

Распределение глубин могильных ям в метрах

Статистики	Возраст		
	Взрослые	Дети	Без возраста
Среднее	0,65	0,55	0,34
Стд. отклонение	0,35	0,28	0,14
Минимум	0,4	0,35	0,2
Максимум	1,3	0,75	1

Внутримогильные сооружения. Среди взрослых погребений внутримогильные сооружения встречаются в 10 захоронениях (8%), в

детских захоронениях внутримогильных сооружений не зафиксировано, в захоронениях без возраста – 26 погребений (25%) (таб. 7).

Таблица 7

Распределение погребений по наличию внутримогильных сооружений

Возраст	Наличие	
	Количество	%
Взрослые	10	8
Дети	0	0
Без возрастных характеристик	26	25

Наличие погребённого. Костяки или отдельные части скелета сохранились в 119 взрослых могилах (100%), в 16 детских (94%) и 81 (79%) захоронениях без возраста (таб. 8).

Таблица 8

Распределение погребений по наличию в могиле костяка или отдельных частей скелета

Возраст	Наличие	
	Количество	%
Взрослые	119	100
Дети	16	94
Без возрастных характеристик	81	79

Количество захоронений в одной могильной яме. Если в двойной или тройной могиле были захоронены и взрослые, и дети, и индивиды без возрастных характеристик одновременно в каком-либо сочетании, то захоронение засчитывалось для всех видов возраста. Например, двойное

захоронение взрослого и ребёнка засчитывалось в двойные захоронения и взрослым, и детям. В могильнике Звейниеки, где в 20 погребениях обнаружены 24 индивида, захоронения охарактеризованы как «одиночные, есть двойные и одно тройное». Соответственно, это означает, что в могильнике Звейниеки представлены одно тройное, два двойных и семнадцать одиночных захоронений (таб. 9).

Таблица 9

Распределение погребений по количеству захоронений в одной могильной яме

Виды	Возраст					
	Взрослые		Дети		Без возраста	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Одиночные	87	73	5	29	87	85
Двойные	15	13	7	41	8	8
Тройные	3	3	1	6	3	3

Способ захоронения. Абсолютно все захоронения в данной выборке совершены по обряду труположения без исключений.

Пол. Из 119 взрослых погребений мужских – 70 (59%), женских – 49 (41%) (Таб. 10).

Таблица 10

Распределение погребений по полу погребённых

Пол	Количество погребённых	
	Количество	%
Мужской	70	59
Женский	49	41
Итого	119	100

Поза погребённого. В данном случае мы не стали включать в результаты те положения костяков, которые встречаются лишь один раз. Поскольку для могильника Звейниеки описание положения погребённых дано очень расплывчато «в вытянутом положении на спине, на животе, на боку», мы решили не включать эти данные в выборку (таб.11).

Таблица 11

Распределение погребений по позам погребённых

Позы	Возраст					
	Взрослые		Дети		Без возраста	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
На спине в вытянутом положении на спине	88	74	10	59	24	24
Вертикально	3	3	0	0	0	0
В вытянутом положении на правом боку	2	2	0	0	0	0
На правом боку ноги согнуты в коленях	2	2	0	0	0	0
В вытянутом положении	0	0	0	0	3	3

Ориентировка по сторонам света. Опять же данные из могильника Звейниеки не были включены в выборку из-за неточного описания (таб. 12).

Таблица 12

Распределение погребений по ориентировке погребённых по сторонам света

Ориентировка	Возраст					
	Взрослые		Дети		Без возраста	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%

СВ	46	39	9	53	8	8
В	33	28	2	12	23	23
ЮВ	26	22	0	0	24	24
ЮЮВ	2	2	0	0	0	0
З	11	9	0	0	0	0
ЮЗ	3	3	0	0	0	0
ЗВ	0	0	1	6	0	0
СВВ	0	0	1	6	0	0
ВЮВ	0	0	0	0	1	1
СЗ	0	0	0	0	2	2

Охра. Среди взрослых погребений охра встречается в 111 захоронениях (93%), в детских захоронениях 16 (94%) случаях, в захоронениях без возраста – 76 погребений (75%) (таб. 13).

Таблица 13

Распределение погребений по наличию в могиле охры

Возраст	Наличие	
	Количество	%
Взрослые	111	93
Дети	16	94
Без возрастных характеристик	76	75

Следы огня. Среди взрослых погребений следы огня встречаются в 2 захоронениях (2%), в детских захоронениях в 1 (6%) случае, в захоронениях без возраста – 1 погребение со следами огня (1%) (таб. 14).

Таблица 14

Распределение погребений по наличию в могиле следов огня

Возраст	Наличие	
	Количество	%
Взрослые	2	2
Дети	1	6
Без возрастных характеристик	1	1

Инвентарь. В выборку попали только те предметы, которые встречаются более чем в 10% могилах. В захоронениях взрослых индивидов чаще всего встречаются: резцы лося в 48 (в 40% захоронений), пластинки из резцов бобра в 48 (40%), клыки медведя 33 (28%), костяные наконечники 25 (21%), сланцевые ножи 21 (18%), костяные поделки 21 (18%), украшения одежды и обуви 16 (13%). В детских захоронениях чаще всего встречаются: пластинки из резцов бобра 6 (35%), резцы лося 4 (24%), клыки медведя 2 (12%), костяные наконечники 2 (12%). В захоронениях без возрастных характеристик чаще всего встречаются: резцы лося 18 (18%), костяные наконечники 16 (16%), пластинки из резцов бобра 15 (15%), клыки медведя 13 (13%), костяные подвески 10 (10%) (таб. 15).

Таблица 15

Распределение погребений по наличию предметов инвентаря

Инвентарь	Возраст					
	Взрослые		Дети		Без возраста	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Резцы лося	48	40	4	24	18	18
Пластинки из резцов бобра	48	40	6	35	15	15
Клыки медведя	33	28	2	12	13	13
Костяные наконечники	25	21	2	12	16	16

Сланцевые ножи	21	18	0	0	0	0
Костяные поделки	21	18	0	0	0	0
Украшения одежды и обуви	16	13	0	0	0	0
Костяные подвески	0	0	0	0	10	10

Кости животных. Среди взрослых погребений кости животных встречаются в 41 могиле (34%), в детских захоронениях в 1 (6%) случае, в захоронениях без возраста – 13 погребений с костями животных (13%) (таб. 16).

Таблица 16

Распределение погребений по наличию в могиле костей животных

Возраст	Наличие	
	Количество	%
Взрослые	41	34
Дети	1	6
Без возрастных характеристик	13	13

Таким образом, исходя из полученных данных, мы можем охарактеризовать погребальный обряд мезолитического населения севера Восточной Европы.

Над самой могилой могли возводить надмогильное сооружение, которое имело вид выкладки из валунов или надмогильной плиты. Если такое сооружение и было, то только над могилами взрослых, у детей они не встречаются. В захоронениях без возрастных характеристик надмогильные сооружения также фиксируются.

Умерших всегда хоронили по обряду труположения. Чаще всего в овальной или корытообразной могильной яме. Длина могильной ямы для взрослых индивидов в среднем составляла 1,9 м и варьировала от 1,8 до 2,1 м. В ширину такая могильная яма в среднем составляла 0,7 м и варьировала от 0,6 м до 0,8 м. Глубина могильной ямы для взрослого захоронения составляла в среднем 0,65 м и варьировала от 0,4 м до 1,3 м. Такой сильный разброс может объясняться различиями в характере почв на разных памятниках. Детские могильные ямы в среднем в длину составляли 0,85 м и варьировали от 0,4 м до 1,3 м. В ширину такая могильная яма в среднем составляла 0,5 м. Глубина могильной ямы для ребёнка в среднем составляла 0,55 м и варьировала от 0,35 м до 0,75 м. Захоронения без возрастных характеристик по длине могилы несколько отличаются от взрослых, в среднем составляя 1,7 м, но такое отклонение не является существенным. В ширину могильные ямы без возрастных характеристик чуть больше взрослых – 0,8 м, но в данном случае это отклонение тоже не является существенным. По глубине могилы без возрастных характеристик в среднем меньше и взрослых и детских – 0,3 м. Это отличие может объясняться тем, что данные для этой категории были немногочисленны или взяты с одного двух памятников, для которых характерна именно такая глубина.

Иногда внутри могилы сооружались внутримогильные сооружения в виде выкладок из камней вокруг скелета или стенок могильной ямы. Такие сооружения характерны только для взрослых погребений, для детских они не зафиксированы. В захоронениях без возрастных характеристик внутримогильные сооружения также фиксируются. В подавляющем большинстве случаев в могиле присутствует костяк или остатки скелета. Обычно костные останки плохой сохранности. Взрослых чаще всего хоронили в одиночных могилах, реже в двойных, совсем редко в тройных. Дети же чаще всего захоронены в двойных могилах, чуть реже в одиночных

и очень редко в тройных. Для могил без возрастных характеристик соотношение по этому параметру такое же, как и для взрослых захоронений.

Среди погребенных, для которых был определён пол, чуть больше мужчин, чем женщин. Костяки взрослых и детей обычно располагались в положении лёжа на спине в вытянутом положении. Для могил без возрастных характеристик соотношение по этому параметру такое же, как и для взрослых и детских захоронений. Среди взрослых захоронений встречаются вертикальные, для детских и могил без возрастных характеристик такого положения не зафиксировано. Ориентировали погребённых чаще всего на СВ, В, ЮВ. Почти всегда погребённого и дно могилы засыпали охрой.

В могилы взрослых индивидов из инвентаря чаще всего клали резцы лося, пластинки из резцов бобра, клыки медведя, костяные наконечники, сланцевые ножи, костяные поделки, украшения одежды и обуви. В детские могилы чаще всего клали пластинки из резцов бобра, резцы лося, клыки медведя и костяные наконечники. В погребения без возрастных характеристик чаще всего клали резцы лося, костяные наконечники, пластинки из резцов бобра, клыки медведя и костяные подвески.

Во взрослых погребениях и захоронениях без возрастных характеристик достаточно часто встречаются кости различных животных, в детских погребениях в данный параметр фиксируется единичных случаях.

Таким образом, нами были охарактеризованы общие черты погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы. Но в ходе работы был выявлен и ряд специфических черт, не характерных для всех памятников и возрастных групп.

В 13 захоронениях могильника Сямозеро II полностью отсутствует засыпка охрой, что нехарактерно для погребального обряда других памятников. Ориентировка на З чаще всего встречается в погребениях

могильника Звейниеки, для остальных памятников такая ориентировка костяка крайне редка. Могильники Чёрная Губа и Сямозеро II отличаются от остальных тем, что в них во всех захоронениях отсутствуют погребённые. Наличие следов огня характерно только для могильника Попово и погребального комплекса Песчаница. Для могильников Манино II, Сямозеро II, Чёрная Губа, Звейниеки и Спигинас характерно полное отсутствие костей животных в погребениях, в то время как во всех других памятниках они встречаются.

Таким образом, нами был охарактеризован погребальный обряд мезолитического населения севера Восточной Европы. Общих черт в нём оказалось значительно больше, чем специфических, поэтому мы можем говорить о едином погребальном обряде для данной территории в данную эпоху.

Заключение

Территория севера Восточной Европы, в которую входит южная часть Карелии, Восточное Прионежье, Латвия и Литва, чрезвычайно богата мезолитическими погребениями и погребальными комплексами. Это обстоятельство открывает возможности для изучения погребального обряда, который является одним из самых важных и информативных археологических источников, обладающих массовым характером и выраженной локальной спецификой. Целью данной работы стала характеристика погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы с выделением общих и специфических черт.

Для достижения данной цели был поставлен ряд задач, первой из которых стала характеристика основных подходов и тенденций в изучении погребального обряда в отечественной историографии. Этому посвящена первая глава нашей работы, в которой мы рассматриваем основные подходы и тенденции в изучении погребального обряда в советской и постсоветской историографии. Рассмотрев работы отечественных исследователей начиная с середины семидесятых годов XX в и до распада СССР, мы пришли к выводу, что для данного периода характерны пять основных тенденций: во-первых, разная источниковая база и расстановка акцентов на разных аспектах данной темы, что затрудняло выработку обобщающих теорий, во-вторых, активное применение математических методов, в-третьих, терминологический разнобой, в-четвертых, признание того, что для каждого региона и конкретной эпохи нужен собственный подход в изучении погребального обряда, который будет учитывать всю местную специфику и сможет адекватно отобразить картину, сложившуюся на конкретном местном материале, в-пятых, изучение погребального обряда должно двигаться в дальнейшем в рамках междисциплинарного подхода. Затем, мы также рассмотрели работы отечественных исследователей с начала 90-х годов XX века и вплоть до 10-х годов XXI века. Мы пришли к выводу, что для этого

периода характерны пять основных тенденций: во-первых, это отказ от абсолютизации методов математической статистики при изучении погребального обряда, признание ограничений возможностей этого метода, во-вторых, это междисциплинарность, в-третьих, это привлечение к изучению погребального обряда новых дисциплин: физической антропологии, палеодемографии, палеопатологии и др., в-четвёртых, это источниковедческое изучение погребальной обрядности, поиск тех ограничений, которые несёт в себе этот источник, в-пятых, поиск и разработка методик, которые позволят корректно извлекать из источника информацию, в-шестых, терминологический и методологический плюрализм, в-седьмых, спад интереса к разработке теоретических подходов.

Следующей нашей задачей стало выявление всех погребальных комплексов севера Восточной Европы, содержащих мезолитические могилы. Решению этой задачи посвящён первый пункт второй главы, в котором даётся характеристика мезолита региона и выявляются десять погребальных комплексов севера Восточной Европы, содержащих мезолитические могилы: Дуонкальнис, Спигинас, Звейниеки, Чёрная Губа, Сямозеро II, Милино I, Милино II, Попово, Песчаница и Оленеостровский могильник.

Затем перед нами стояла задача описать все выявленные мезолитические могилы. Решению этой задачи посвящён второй пункт второй главы, в котором нами по опубликованным результатам полевых исследований были описаны 240 погребений.

Последней задачей стала характеристика погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы с помощью методов первичной описательной статистики. Этому посвящена третья глава данной работы. На основе набора, выделенного¹³² В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым, нами было взято 16 параметров: надмогильные сооружения, форма могильной ямы, её длина, ширина, глубина, внутримогильные сооружения,

¹³² Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Указ. соч. – С. 44.

наличие погребённого, количество захоронений в одной яме, способ захоронения, пол, поза погребённого, ориентировка по сторонам света, охра, следы огня, инвентарь, кости животных. Все погребения были разделены на три категории: взрослые, детские и погребения без возрастных характеристик. Далее с помощью методов первичной описательной статистики нами была дана характеристика погребального обряда мезолитического населения севера Восточной Европы по всем 16 выделенным параметрам. Вместе с тем был выявлен ряд специфических черт, которые характерны для отдельных памятников, но не встречаются на большинстве других. Мы пришли к выводу, что общие черты в погребальных обрядах десяти взятых нами памятников преобладают над специфическими и можно говорить об общем погребальном обряде для населения данной территории.

Список источников и литературы

1. Алекшин В.А. Погребальный обряд как археологический источник //Краткие сообщения Института археологии. – 1981. – №. 167. – 113 с.
2. Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука. – 1989. – 352 с.
3. Бунятян Е.П. и др. Формализованно-статистические методы в археологии (погребальные памятники). – 1990. – 304 с.
4. Бунятян Е.П. Методологические предпосылки применения формально-статистических методов в археологии // Новые методы археологических исследований. Киев: «Наукова думка». – 1982. С. 75-87.
5. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда //Вопросы археологии Урала. Вып. 13. – 1975. – С. 42-72.
6. Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 76-77.
7. Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 84-85.
8. Гуляев В.И., Каменецкий И.С., Ольховский В.С. (отв. ред.). Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – 1999. – 248 с.
9. Гуляев В.И., Ольховский В.С. Круглый стол «Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений» //РА. – 1999. – №. 1. – С. 246-250.
10. Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации

- //Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – 1999. – С. 10-18.
11. Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник//МИА. Вып. – Т. 47. 1956. – 430 с.
 12. Загорска И., Загорскис Ф. Мезолит Латвии //Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1977. – №. 149. – С. 69-75.
 13. Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения //РА. – 1995. – №. 2. – С. 112-123.
 14. Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) //КСИА. – 2010. – №. 224. – С. 33-52.
 15. Краткие сообщения Института археологии. М.: Языки славянской культуры, 2010. – №. 224. – 344 с.
 16. Кунскас Р., Бутримас А., Чеснис Г., Бальчюнене И. Дуонкальнис поселение, жертвенное место и могильник позднего неолита // Lietuvos archeologija №4. Vilnius, 1985. – С. 63-66.
 17. Кызласов И.Л. Мировоззренческая основа погребального обряда //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 98-112.
 18. Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему //РА. – 1995. – №. 2. – С. 99-104.
 19. Лагуткина Е.В. Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // Краткие сообщения Института археологии. – 2010. – №. 224. – С. 19-32.
 20. Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (По материалам Скандинавии эпохи викингов) //КСИА. М. – 1977. – №. 148. – С. 24-31.
 21. Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа //Краткие сообщения Института археологии. – 1977. – №. 148. – С. 16-24.

22. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ:(в свете данных археологии). – Наука, 1976. – 197 с.
23. Мельник В.И. Погребальный обычай и погребальный памятник //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 94-97.
24. Мельник В.И. Символика элементов погребальной обрядности по этнографическим и археологическим данным //КСИА. Выпуск 224. – 2010. – С. 52-60.
25. Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры. – Наука, 1985. – 209 с.
26. Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиции //Российская археология. – 1997. – №. 2. – С. 159-168.
27. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) //Российская археология. – 1993. – №. 1. – С. 78-93.
28. Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 85-98.
29. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий //Советская археология. – 1986. – №. 1. – С. 65-76.
30. Ошибкина С.В. Мезолитические погребения восточного Прионежья //Археологические вести. – 1994. – №. 3. – С. 48-57.
31. Ошибкина С.В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы //Российская археология. – 2007. – №. 1. С. 36-48.
32. Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности //Российская археология. – 1993. – №. 4. – С. 160-172.
33. Равдоникас В.И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера //Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М. – 1956. – №. 47. – С. 7-24.

34. Римантене Р.К. Основные черты мезолита Литвы //Краткие сообщения Института Археологии. – 1977. – Т. 149. – С. 66-69.
35. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. – Минтис, 1971. – 205 с.
36. Рычков Н.А. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) //РА. – 1997. – №. 2. – С. 150-159.
37. Свиридовская О.Н. Некоторые аспекты математических методик изучения погребального обряда (по литературе 1960-1990-х гг.) //Археология Сибири: историография: Межвед. сб. науч. тр. Омск, 1995. – С. 34-48.
38. Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии (возникновение погребальной практики и основы тафологии). Москва: Наука. – 1991. – 341 с.
39. Суворов А.В. Способы обращения с телами умерших в погребениях каменного века на памятниках Монино I и II на Кубенском озере // Русская культура нового столетия. – Вологда, 2007. – С. 21-26.
40. Федосова В.Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций //Российская археология. – 1995. – №. 2. – С. 104-112.
41. Филатова В.Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии //Кижский вестник. – 2002. – №. 7. – С. 177-212.
42. Butrimas A. Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania //Mesolithic Miscellany. – 1989. – Т. 10. – №. 2. – С. 10-11.
43. Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmets kapulauka apbedijumu tipologija un hronologija //Arheologija un etnografija. – 1974. – Т. 11. С. 22-23.